

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи:

На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяцъ . . . 23 коп.

Объявленія на страницахъ обложки: на 2-й—1 р. 50 к.;
на 3-й и 4-й—1 р. за мѣсто строки конпарейля.

Главная Контора и Редакция: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“,
Невскій пр., 50 (уголъ Садовой).

№ 2

Воскресенье, 11 (24) января 1909 г.

№ 2

„Быть пожару“.—Аллегорическая картина В. К. Кудерскаго.

Текущая события на Балканском полуостровѣ вдохновили молодого петербургскаго художника, В. К. Кудерскаго, написавшаго аллегорическую картину „Быть пожару“, отосланную имъ въ подарокъ сербскому наследному королевичу Георгию.

Картина, написанная масляными красками, изображаетъ карту Европы, причѣмъ каждую державу олицетворяетъ опредѣленный звѣрь.

Въ центрѣ, кровожадная рысь (Австрія) деретъ безобидную горную козочку (Боснія и Герцеговина). Жалобный вопль ея и рича-

ніе хищника привлекаютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ окрестныхъ звѣрей (европейскихъ державъ). Ближайшій къ рыси звѣрь—пума (Сербія), уже приготовилась къ роковому прыжку, чтобы вступить въ бой съ рысью; съ такимъ же намѣреніемъ крадется съ юга къ рыси лисица (Черногорія), не взирая на свою слабость. Внизу леопардъ (Турція) выходитъ изъ дѣсной чащи и двусмысленнымъ образомъ оскаливаетъ свои острые зубы, подвигаясь медленно не то къ рыси, не то къ пумѣ и лисицѣ. Въ то же время, съ сѣвера торопится на помощь своей пріятельницѣ, рыси,

носорогъ (Германія), увидѣвъ, что она находится въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Но и на него уже готовится грозное нападеніе. На сѣверо-западѣ притаился мрачный тигръ (Англія) и только выжидаетъ удобнаго момента, чтобы свести старые счеты съ носорогомъ. Ниже величественный левъ (Франція) въ напряженной позѣ прислушивается къ происходящему вокругъ него, а съ сѣверо-востока, вытянувъ хоботъ и поднявъ громадную ногу, могучій слонъ (Россія) съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за совершающейся передъ нимъ драмой.

Изъ воспоминаній А. Ф. Кони.

Дѣло К. Ландсберга.

Убийство въ д. № 14, по Гродненскому пер.—Двѣ жертвы.—Л.-гв. Сапернаго батальона прапорщикъ Ландсбергъ.—Сованіе въ предумышленномъ убійствѣ.—Записка Ландсберга.—Мрачье парадоксы.—Раскольниковъ въ военномъ мундирѣ.—Жизнь Ландсберга.—Желаніе жепиться.—Наканунѣ убійства.—Судъ надъ Ландсбергомъ.

Многіе изъ петербуржцевъ доселѣ, конечно, помнятъ громкое дѣло гвардейскаго прапорщика Ландсберга, хотя со времени обнародованія преступленія и суда надъ убійцей протекло около тридцати лѣтъ. Однако, только теперь этотъ удивительный процессъ обрисовывается подробно во всѣхъ своихъ частяхъ нашимъ уважаемымъ криминалистомъ А. Ф. Кони («Русская Старина») съ присущей этому автору художественностью и глубокою психологическаго анализа. Замѣтимъ, что въ 1879 году А. Ф. Кони былъ предсѣдателемъ спб. окружного суда и лично велъ засѣданіе по дѣлу К. Ландсберга.

Ночью 25 мая 1879 года въ аптеку Фридендера у Каменнаго моста въ Петербургѣ пришелъ блѣдный и ослабѣвшій отъ потери крови офицеръ и просилъ перевязать глубокую рану на ладони правой руки съ поврежденіемъ артерій.

Утромъ 26 мая этотъ офицеръ—прапорщикъ Карлъ Ландсбергъ—заявилъ командиру лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, что получилъ телеграмму о внезапной болѣзни матери и долженъ немедленно уѣхать въ Шавельскій уѣздъ, Ковенской губерніи.

30 мая маляръ, красившій наружную стѣну дома № 14, по Гродненскому переулку, замѣтилъ черезъ окно квартиры въ третьемъ этажѣ окровавленный трупъ женщины. Жители этой квартиры—на дворнаго свѣтлѣнка Власова и кухарку Семенидову—послѣдній разъ видѣли 25 мая, а съ утра 26 мая изъ квартиры оказались наглухо запертыми, что заставляло предполагать, что Власовъ уѣхалъ на нанятую имъ дачу, а Семенидова отправилась, какъ она давно собиралась, на богомолье. По открытіи квартиры, Власовъ и Семенидова найдены зарѣзанными острымъ рѣзущимъ орудіемъ, нанесшимъ глубокія зияющія раны.

Масса круглыхъ кровавыхъ пятенъ на полу, идущихъ по направленію къ двумъ умывальникамъ и къ выходной двери, указывали, что убійца самъ былъ раненъ, а кровавыя пятна на пустомъ портфельѣ Власова, въ которомъ хранились разныя бумаги и 14.000 рублей процентными бумагами, освѣщали и самый мотивъ убійства.

При слѣдствіи выяснилось, что послѣдній входившій 25 мая въ квартиру Власова былъ прапорщикъ Ландсбергъ. По осмотру, произведенному въ Шавляхъ 6 іюня, у него сверхъ поперечной раны на ладони правой руки, найдены были два свѣжихъ рубца отъ рѣзанныхъ ранъ на лѣвой рукѣ, происшедшихъ, по его объясненію, отъ неосторожнаго вставленія сабли въ ножны и отъ опаранія кошкой.

Но 9-го іюня онъ сознанъ въ предумышленномъ убійствѣ Власова, вызванномъ невозможностью уплатить 25-го мая занятые у послѣдняго, безъ процентовъ, пять тысячъ рублей, причѣмъ для того, чтобы безпрепятственно совершить убійство и похитить свою росписку (вмѣстѣ съ которою впоследствии онъ взялъ и пачку процентныхъ бумагъ), онъ послалъ Семенидову за слабымъ лимонадомъ и, когда она, вернувшись, стала откупоривать бутылку, зарѣзалъ, подойдя сзади, и ее.

Послѣ допроса у слѣдователя Ландсбергъ представилъ 12-го іюня подробную записку съ анализомъ своего душевнаго состоянія

и тѣхъ обстоятельствъ, которыя повліяли на его рѣшимость пойти на преступленіе.

«Съ перваго дня поступленія на военную службу,—писалъ онъ,—меня каждый день приучали владѣть ружьемъ и револьверомъ и обучали сапернымъ работамъ, т. е. способамъ, пользуясь прикрытіемъ изъ земли, камня и желѣза, уничтожить возможно большее число неприятелей».

Постоянно занимаясь чтеніемъ и изученіемъ военной исторіи, онъ, по его словамъ, увидѣлъ, что одна треть государственнаго бюджета идетъ на поддержаніе военнаго устройства; что Наполеонъ III, чувствуя утрату своего обаянія въ глазахъ Европы, придравшись къ удобному случаю, затѣваетъ ужасную войну съ Германіей, въ которой гибнутъ сотни тысячъ людей и которая стоитъ массѣ семействъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ, а Франціи двухъ провинцій и многихъ милліардовъ денегъ, а Германія эти милліарды опять употребляетъ на увеличеніе вооруженій для новой войны, которая опять уничтожитъ сотни тысячъ людей. Называется это иди нѣтъ? Нѣтъ. Заводчикъ Круппъ наживаетъ милліоны на своихъ издѣліяхъ, офицеры получаютъ «за храбрость» ордена, пенсіи, чины и т. д.

«Мы, военные,—продолжалъ далѣе Ландсбергъ,—безустанно повторяемъ слова «врагъ» и «неприятель». Но неужели можно допустить, чтобы кто-либо изъ солдатъ воюющихъ сторонъ питалъ хоть малѣйшую ненависть къ людямъ, которыхъ онъ затѣмъ убьетъ, съ остервененіемъ лишитъ жизни, будучи при этомъ безусловно убѣжденъ, что онъ не только не дѣлаетъ дурнаго дѣла, а, напротивъ, совершаетъ прекраснѣйшій изъ поступковъ своей жизни, о которомъ будутъ передавать съ благоговѣніемъ даже въ потомствѣ».

«И вотъ мое слово—заклучилъ онъ—скажи только допустить, что убійца можетъ давать «слово»:—въ день 25 мая я съ утра все это обдумывалъ, дабы убѣдить себя въ правильности и безупречности задуманнаго преступленія». Разсказавъ затѣмъ подробно о своей успѣшной службѣ въ Средней Азійи и о знакомствѣ тамъ съ лучшими семейными домами, «ибо холостой жизни не любилъ, ни къ какимъ кутежамъ не принадлежалъ и къ картамъ чувствовалъ отвращеніе», Ландсбергъ перешелъ къ описанію своего участія въ войнѣ съ турками въ 1877 году.

Въ Сапъ-Стефано отъ тоски и унынія онъ сталъ играть въ карты, причѣмъ знакомство съ кружкомъ игроковъ обошлось ему около четырехъ тысячъ, въ которыхъ онъ «всадилъ» не только всѣ свои сбереженія, но и сдѣланные займы. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, благодаря своему общительному характеру, связямъ, воспитанію и положенію, онъ познакомился съ лучшими домами столицы, гдѣ его принимали очень охотно, какъ человѣка, который не пилъ и не кутилъ и для котораго «высшимъ наслажденіемъ были танцы».

Жизнь въ кругу, въ которомъ онъ вращался, влекла за собою большія издержки: нужно было имѣть прилично отдѣланную квартиру, бывать въ первыхъ рядахъ оперы, одѣваться у перваго портного и принимать у себя. На это не хватало небольшихъ средствъ, которыми онъ располагалъ. А между тѣмъ, бывая въ домѣ одного генерала съ высокимъ положеніемъ и историческимъ именемъ, онъ полюбилъ одну изъ его дочерей и, рассчитывая на ея взаимность, сталъ помышлять о бракѣ съ нею. Весьма подробно касаясь домашней жизни этого семейства и установившихся въ немъ отношеній къ ищетателямъ руки молодыхъ дѣвицъ, Ландсбергъ изображалъ себя жертвою тѣхъ надеждъ, которыя ему было дано питать и вѣдѣтвѣ которыхъ онъ долженъ былъ подерживать разпорительный для себя образъ жизни въ болѣзномъ петербургскомъ свѣтѣ.

Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ въ виду ожидаемаго принятія его предложенія, онъ долженъ былъ сдѣлать крупныя заемъ у своего стараго, еще со временъ юнкерства, знакомаго Власова, сильно его, несмотря на свой крутой нравъ и скупость любившаго и гордившагося имъ, его положеніемъ и успѣхами въ свѣтѣ. Пять тысячъ рублей, полученные отъ заклада билетовъ, взятыхъ у Власова, были истрачены, а въ то же время вопросъ о возможности принятія предложенія родителями нравившейся Ландсбергу дѣвушки затягивался и осложнялся. Между тѣмъ срокъ возвращенія билетовъ—25 мая—наступалъ.

Ландсбергъ, по его словамъ, зналъ, что Власовъ умѣетъ быть добрымъ, ласковымъ и гостеприимнымъ, но что онъ сумѣетъ быть и злымъ, если его довѣріе будетъ обмануто, онъ можетъ поднять шумъ, написать командиру батальона, и разгласить, что бѣстѣній гвардейскій офицеръ старался казаться богатымъ съ матримональными дѣлами. Тогда погибнетъ и служба и надежда на бракъ. И вотъ явилась мысль убить Власова и похитить свою росписку.

Наканунѣ убійства, 24-го мая, вечеромъ рука сидѣвшаго у Власова Ландсберга поднялась на него. Но на другой день, вечеромъ, нужно было снова идти къ Власову и притомъ съ билетами. Ландсбергъ сталъ доказывать себѣ, что если онъ убивалъ въ походѣ людей, которые не сдѣлали ему ни какого зла, то какъ же не убить человѣка существованіе котораго грозитъ всей ея жизни! И онъ пошелъ, взявъ съ собою складной ножъ и револьверъ, чтобы въ случаѣ «малѣйшаго скандала» пустить себѣ пулю въ лобъ. Зарѣзавъ Власова и Семенидову и положивъ послѣдней подъ голову подушку, чтобы въ нижнюю квартиру не просочилась кровь, онъ вынулъ изъ портфеля росписку и пачку банковыхъ билетовъ, которые взялъ себѣ, въ убѣжденіи, что сдѣлавъ разъ преступленіе, глупо бы не воспользоваться всѣми его плодами...

Дѣло Ландсберга слушалось въ жаркій день, 5-го іюля. Наплывъ публики, несмотря на глухое лѣтнее время, былъ громадный.

Судебныя пренія были довольно безцвѣтны. Незадолго вновѣ назначенный прокуроръ окружнаго суда П. Н. Сабуровъ,—человѣкъ, умѣвшій всю недолгую свою жизнь вносить истинную доброту и душевное благородство въ свою дѣятельность и въ исполненіе своихъ, подчасъ очень тяжелыхъ обязанностей,—былъ весьма посредственный судебный ораторъ. Въ виду собственнаго сознанія Ландсберга, данаго въ той стадіи изслѣдованія, когда еще можно было бороться и затруднять правосудіе, а также вслѣдствіе непоказнаго, но несомнѣнно искренняго раскаянія подсудимаго, судъ приговорилъ его къ пятнадцати годамъ каторги съ лишненіемъ всѣхъ правъ состоянія, чиновъ и знаковъ отличія, среди которыхъ были ордена святого Станислава и св. Анны съ мечами и бантами.

Дополнимъ сообщеніе А. Ф. Кони указаніемъ на то, что Ландсбергъ, отбывъ срокъ каторги на Сахалинѣ, и на этомъ дикомъ островѣ выдвинулся, какъ энергичный и умный человѣкъ. Онъ сталъ заниматься тамъ промышленностью, изученіемъ природы острова, разбогатѣлъ и нынѣ стоитъ во главѣ большого торговаго предпріятія, кормящаго десятки тысячъ людей. Когда ему была возвращена свобода, онъ все-таки остался на Дальнемъ Востокѣ. Съ нимъ познакомились тамъ, во время путешествія, и А. П. Чеховъ, и В. М. Дорошевичъ, посвятившій Ландсбергу нѣсколько блестящихъ страницъ своей извѣстной книги «Сахалинъ».

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи: ●

На годъ	2 руб. 50 к.	На 3 мѣсяца	65 коп.
На полгода	1 руб. 25 к.	На 1 мѣсяць	25 коп.

Объявленія на страницахъ обложки: на 2-й—1 р. 50 к.;
на 3-й и 4-й—1 р. за мѣсто строки нонпарейля.

Главная Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“,
Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Августѣйшія Дѣти Ихъ Императорскихъ Величествъ.
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексій Николаевичъ и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжия Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Марія Николаевна и Анастасія Николаевна.

Со снимка придворныхъ фотографовъ Гана и Ко въ Царскомъ Селѣ.

МЕТРОПОЛИСЪ.

Повѣсть изъ жизни нью-йоркскихъ миллионеровъ Уиптона Синклера.

1.
Вы вернетесь назадъ въ десять тридцать, — кипнулъ генералъ Прентайсъ своему шофферу, входя въ отель въ сопровожденіи Монтэго. Монтэго чувствовалъ, что онъ глубоко взволнованъ ожиданіемъ тѣхъ встрѣчъ, которыя предстояли ему здѣсь. Онъ только что иѣхалъ изъ деревни, и хотя окружающая роскошь и ослѣпляла его, но все его вниманіе было поглощено мыслями о тѣхъ великихъ и интересныхъ людяхъ, съ которыми онъ сейчасъ познакомится, близко увидитъ и разсмотритъ ихъ.

Это было, пожалуй, слишкомъ много для одного дня: вначалѣ зрѣлище кипячаго и бушующаго мірового города, а теперь это собраніе людей извѣстныхъ и знаменитыхъ и столь близкихъ ему по воспоминаніямъ дѣтства. Въ проходахъ стояло много различныхъ группъ людей въ военной формѣ, съ которыми генералъ раскланивался направо и налево, проходя къ подъемной машинѣ, чтобы подняться вмѣстѣ съ Монтэго во внутренніе покои. У дверей онъ остановился около низенькаго толстяка съ сѣдыми усами.

— Здравствуйте, маіоръ. Разрѣшите мнѣ представить вамъ мистера Аллана Монтэго. Монтэго, это маіоръ Торнтъ.

— Сынъ генерала Монтэго? — съ оживленіемъ спросилъ маіоръ, сжимая обѣими руками руку молодого человѣка: — Мой мальчикъ! Какъ я радъ познакомиться съ вами!

И хотя изъ шести футовъ и десяти дюймовъ этого «мальчика» можно было бы выкроить двухъ маленькихъ, круглыхъ маіоровъ, все же Монтэго чувствовалъ себя передъ нимъ совсѣмъ мальчикомъ.

— Быть можетъ, вы слышали обо мнѣ отъ вашего отца?

— О, тысячи разъ! — отвѣтилъ Монтэго, вспоминая рассказы отца о геройскихъ подвигахъ маленькаго маіора во время междуусобной войны.

— Почему вы до сихъ поръ не появлялись у насъ? — спросилъ маіоръ Торнтъ, и Монтэго подробно рассказалъ маіору, что онъ провелъ всю свою жизнь въ Миссисипи, гдѣ его отецъ, женившись послѣ войны на южанкѣ, поселился навсегда.

Въ залѣ было болѣе ста человѣкъ; Монтэго переходилъ отъ одной группы къ другой, чтобы познакомиться съ ними, — и странное чувство охватывало его все сильнѣе: все знакомыя имена, о которыхъ онъ слышалъ столько дивныхъ рассказовъ отъ отца, о которыхъ онъ читалъ въ его обширной исторической библиотекѣ, — теперь они живые стояли передъ нимъ! Но какъ они постарѣли съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ рассказывалъ отецъ!

— А вотъ и судья Эллисъ, — произнесъ генералъ.

И въ отдаленномъ Миссисипи не было человѣка, который бы не слышалъ о судѣ Эллисѣ, о его остроуміи и о его честности. Недаромъ братъ Аллана Монтэго — Оливеръ, когда услышалъ, что на собраніи будетъ судья Эллисъ, посоветовалъ, смѣясь,

«примазаться» къ нему, такъ какъ онъ «можетъ быть полезенъ».

Высокій и стройный джентльменъ въ черномъ фракѣ, рѣзко выдѣлявшемся среди военныхъ мундировъ, стоялъ въ дверяхъ.

— Сынъ генерала Монтэго? — чрезвычайно радушно привѣтствовалъ онъ его и, узнавъ, что онъ поселяется навсегда въ Нью-Йоркѣ, чтобы, какъ юристъ, искать приложенія своимъ силамъ, любезно выразилъ увѣренность, что случай очень скоро покажетъ, что молодой юристъ можетъ дать обществу.

Не ища покровительства, Монтэго былъ все-же пріятно взволнованъ вниманіемъ судьи Эллиса — этого божка дѣловой и политической аристократіи Нью-Йорка.

Но вотъ началось засѣданіе, и полковникъ Робертъ Сельденъ прочиталъ свои «Воспоминанія о Споттилваніи», которыя глубоко взволновали всѣхъ присутствующихъ, такъ какъ почти всѣ они когда то принимали участіе въ войнѣ, и каждый, слушая полковника, ярко переживалъ свои личныя воспоминанія.

Монтэго присутствовалъ при всемъ этомъ, какъ во снѣ: воспоминанія дѣтства, рассказы отца, зрѣлище этихъ героевъ борьбы за свободу, жертвовавшихъ жизнью за отечество, когда ихъ жизнь была ему нужна, и спокойно остающихся въ неизвѣстности теперь, когда ихъ силы болѣе не нужны, — зрѣлище героевъ прошлаго, живущихъ только воспоминаніемъ — все это глубоко волновало его.

Засѣданіе закончилось ужиномъ, послѣ котораго началось разѣздъ. Маіоръ Торнтъ выразилъ желаніе проводить Монтэго до отеля, въ которомъ онъ остановился.

Болтая и дѣлая впечатлѣніями, они шли по улицамъ, не глядя по сторонамъ, но въ концѣ одной улицы ихъ вниманіе обратила на себя огромная толпа народа.

— Какое нибудь собраніе, — рѣшилъ маіоръ.

— Похоже на политическое собраніе, — прибавилъ Монтэго, — но странно: выборы только-что прошли.

— Наверно социалистъ, — предположилъ маіоръ: — этотъ народъ теперь въ модѣ.

Высокій худой человѣкъ стоялъ на возвышеніи и отчаянно жестикулировалъ. Проходящій поѣздъ городской желѣзной дороги заглушалъ его слова.

— Социалистъ, вы думаете? — переспросилъ удивленно Монтэго. — Чего собственно хотѣли они?

— Хорошенько не знаю, право. Должно-быть, уничтожить правительство.

Поѣздъ прошумѣлъ, и теперь ясно доносились слова оратора:

«Они заставляютъ васъ строить для нихъ дворцы, а васъ самихъ они запрятали въ жалкія конуры! Вы ткете для нихъ дорогія одежды, а сами ходите въ лохмотьяхъ! Они васъ заставляютъ строить тюрьмы и васъ же сажаютъ туда! Они заставляютъ васъ дѣлать оружіе, чтобы васъ же разстрѣливать! Они составляютъ политическія партіи, заставляютъ выбирать своихъ кандидатовъ, а потомъ продаютъ васъ — и это они называютъ закономъ!»

Какъ стадо барановъ васъ собираютъ въ большія арміи и заставляютъ разстрѣли-

вать своихъ же братьевъ — и это они называютъ порядкомъ! Берутъ какую-нибудь неструю тряпку, называютъ ее знаменемъ и учатъ васъ умирать за него — это они называютъ патриотизмомъ! Въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ — вы работаете, а они получаютъ весь барышъ; они господа и повелители, а вы рабы и дураки, ослы, ослы!»

Голосъ оратора перешелъ почти въ крикъ. Монтэго, возмущенный его рѣчью, хотѣлъ было кинуться къ нему, но маіоръ удержалъ его.

— Почему полиція его не арестуетъ?

— Да, она это дѣлаетъ иногда, но это бесполезно, — спокойно отвѣтилъ маіоръ.

— Скажите, — взволнованно спросилъ Монтэго, — это часто происходитъ?

— О, да. И народъ очень внимательно прислушивается къ ихъ рѣчамъ.

— Но тогда чѣмъ же это кончится?

Маіоръ пожалъ плечами.

— Богъ знаетъ, быть можетъ, гражданской войной.

II.

Вскорѣ послѣ смерти отца Монтэго, младшій братъ Оливеръ реализировалъ свою часть имущества и отправился въ Нью-Йоркѣ, чтобы поселиться въ немъ, надѣясь использовать старыя связи отца. Казалось, что Оливеръ, склонный къ веселой, легкой жизни, очень скоро спуститъ въ Нью-Йоркѣ свое состояніе и вернется домой. Но онъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ Нью-Йоркѣ и коротко извѣщалъ, что онъ устроился и чувствуетъ себя хорошо. Роскошные же подарки, которые онъ присылалъ къ Рождеству и ко дню рожденія кузины Алисы, доказывали, что онъ, дѣйствительно, хорошо устроился въ Нью-Йоркѣ.

Монтэго думалъ было навсегда остаться въ деревнѣ, на своихъ плантаціяхъ, но пожаръ, уничтожившій имущество, въ связи съ настояніями Оливера, заставили его перемѣнить рѣшеніе: въ короткое время плантаціи были проданы, и семья переехала въ Нью-Йоркѣ. Семья была невелика и состояла изъ Монтэго, его матери, девятнадцатилѣтней «кузины Алисы» и старой негритянки — «Мамми-Люси» — служанки мистриссъ Монтэго.

Оливеръ встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ почти не измѣнившійся, только немного поблѣднѣвшій. Съ нимъ былъ лакей изъ отеля и большой красный автомобиль.

Планы Монтэго были очень скромны: онъ хотѣлъ жить на доходы со своего небольшого капитала, пока найдетъ работу, такъ какъ онъ любилъ и умѣлъ работать. Но едва очутившись въ Нью-Йоркѣ, онъ самъ будто попалъ въ мельничную плотину: шумъ каретъ, потокъ людей, крики разносчиковъ, звонъ электрическихъ трамваевъ, — а потомъ этотъ автомобиль, извивающійся, какъ безумный, среди экипажей, трамваевъ, людей, оглашающихъ съ бѣшеной быстротой углы улицъ... Пятая авеню съ рядомъ ослѣпительныхъ магазиновъ и грандіозныхъ дворцовъ-отелей и, наконецъ, еще одинъ головокружительный поворотъ и — они дома!

— Я для васъ выбралъ спокойный семейный отель, — объявилъ Оливеръ, но Алланъ съ ужасомъ смотрѣлъ на головокружительную роскошь, окружавшую его: на бронзу, мраморъ, толстые ковры, нарядныхъ лаке-

свѣ и шесть комнатъ, отведенныхъ для его семьи.

Едва лакей вышелъ изъ комнаты, Алланъ быстро спросилъ брата:

— Оливеръ, сколько мы платимъ за все это?

Оливеръ засмѣялся:

— Вы ничего не платите. Пару мѣсяцевъ вы мои гости, до тѣхъ поръ, пока устроитесь.

— Это, конечно, очень мило, но объ этомъ въ другой разъ. Теперь отвѣть мнѣ, сколько стоятъ эти комнаты?

— Шестьсотъ долларовъ въ недѣлю,— спокойно отвѣтилъ Оливеръ.

Алланъ въ ужасѣ отшатнулся.

— Послушай, ты съума сошелъ!

— Ничуть, это очень умѣренная цѣна.

— Но не думаешь же ты, что мы можемъ платить такую цѣну?

— Я сказалъ же, что платить буду я.

— Я не могу этого допустить, такъ какъ я самъ вѣдь не буду же зарабатывать такіа огромныя деньги.

— Конечно, будешь зарабатывать. Не будь же глупцомъ, Алланъ.— Ты очень скоро увидишь, какъ легко въ Нью-Йоркѣ добывать деньги. Предоставь мнѣ только все это и не мѣшай мнѣ.

Алланъ задумался и серьезно спросилъ:

— Сколько же, ты думаешь, я могу заработать въ годъ?

— Столько, сколько тебѣ понадобится,— засмѣялся Оливеръ:— и еще можно толику сверхъ этого. И помни разъ навсегда: чѣмъ больше будешь тратить, тѣмъ больше будешь зарабатывать.

Послѣ этого онъ началъ подробно излагать Аллану парадоксальную философію нью-йоркской жизни. Онъ находится въ городѣ миллионеровъ и долженъ жить въ обществѣ людей, у которыхъ денегъ несмѣтныя кучи: надо жить, какъ джентльменъ, чтобы удержаться въ этомъ обществѣ... И Оливеръ закончилъ опять-таки просьбой не мѣшать ему, такъ какъ онъ знаетъ нью-йоркскую жизнь и знаетъ, съ кѣмъ нужно поддерживать знакомства.

— Но я пріѣхалъ сюда, чтобы заняться адвокатской практикой, не для того, чтобы жить въ «обществѣ»,— возразилъ ему Алланъ.

— Это смѣшно. Ты пріѣхалъ жить въ Нью-Йоркѣ и, слѣдовательно, ты долженъ подтверждать знакомства среди пужбыхъ людей. Если ты съ ними знакомъ, то ты можешь заниматься адвокатурой, или играть на билліардѣ, или еще что хочешь дѣлать. Если же ты съ ними незнакомъ, то ты съ тѣмъ же успѣхомъ можешь заниматься адвокатурой въ Доломъсѣ, такъ какъ здѣсь ты ничего не добьешься.

Вопросъ было рѣшено оставить открытымъ,—тѣмъ болѣе, что мистриссъ Монтэго будетъ вести—онъ былъ увѣренъ—уединенную жизнь, а Алиса, конечно, не будетъ интересоваться этимъ.

Алиса за эти годы, что Оливеръ не видѣлъ ее, такъ расцвѣла, что поразила Оливера своей красотой, и еще въ автомобилѣ, когда они ѣхали съ вокзала, Оливеръ заявилъ, что она «самой судьбой предназначена для жизни во дворцѣ».

Теперь она обходила комнаты и громко выражала свой восторгъ отъ всего, что она видѣла. Эта ослѣпительная роскошь, соединенная въ то же время съ простотой и гармоничностью, очаровывала ея аристократическій вкусъ. Монтэго, какъ болѣе практичный человѣкъ, обратилъ вниманіе не только на дорогую роскошь, но и на позавидную комфортабельность всего окружающаго. Казалось, что кто-то любящій и внимательный

предусмотрѣлъ все, что можетъ увеличить уходъ и комфортъ будущихъ жильцовъ этихъ комнатъ. Начиная отъ фарфороваго бассейна въ ванной комнатѣ и мраморной доски для массажа и кончая автоматическимъ освѣщеніемъ въ уборной и зеркаломъ, въ которомъ себя можно видѣть одновременно со всѣхъ сторонъ,—все было сдѣлано для удобства и уюта.

Жильцы жили совершенно какъ дома, устраиваясь вполне по своему желанію. Одно правило было только: дѣти не допускались въ домъ ни подъ какимъ предлогомъ,—даже если бы родители ихъ лежали на смертномъ одоѣ! Этой маленькой уступки требовалъ хозяинъ, потратившій на одну только мебель болѣе полутора миллионъ долларовъ.

Окончивъ осмотръ комнатъ, Монтэго узналъ, что его давно ожидаетъ портной, который, къ его удивленію, обязался въ теченіе одного дня приготовить нѣсколько костюмовъ для него по указанію Оливера.

— А съ тобой, Алиса,—прибавилъ онъ,—дѣло сложнѣе. Впрочемъ, тобою общалъ заняться Рэджи Мэнъ. Онъ пріѣдетъ сегодня и выберетъ самъ тебѣ нѣсколько костюмовъ.

— Кто это Рэджи? Портной?—спросила Алиса.

Оливера это очень позабавило, и онъ началъ излагать подробно роль Рэджи, рассказавъ, какъ сама мистриссъ де-Граффенриксъ ничего не шьетъ себѣ безъ его совѣта, какъ вся женская половина общества поклоняется ему. И вотъ этотъ самый Рэджи—близкій другъ Оливера, увидѣвъ у него портретъ Алисы, поклялся, что сдѣлаетъ изъ Алисы истинное произведеніе искусства.

— А потомъ мистриссъ Юллингъ дастъ въ твою честь балъ, на которомъ все общество падетъ къ твоимъ ногамъ,—закончилъ Оливеръ и, обращаясь къ Монтэго, объявилъ, что завтра утромъ они ѣдутъ въ «Шварцвальдъ»—охотничій замокъ Юллинговъ.

— Тамъ ты кстати познакомишься съ мистриссъ Робби.

Послѣ завтрака явился Рэджи Мэнъ, изысканно одѣтый господинъ съ аффекированной походкой, женственно-мягкими руками и нѣжнымъ голосомъ. При видѣ Алисы онъ пришелъ въ восторгъ.

— Атласъ! Свѣтло-голубое платье ампиръ! Божественно! Неподражаемо! восклицалъ онъ. — А эти волосы, эта фигура!—выражалъ онъ вслухъ свой восторгъ.

Алиса краснѣла и старалась изо всѣхъ силъ скрыть свое смущеніе.

— Дорогая миссъ Монтэго! Я приведу весь Нью-Йоркъ и положу у вашихъ ногъ.— Право-же, Олли,—обратился онъ къ Оливеру,— битва выиграна безъ единого выстрѣла! Я знаю подходящаго человѣка,—его отецъ умираетъ и на однѣхъ трансатлантическихъ акціяхъ онъ получитъ четыре милліона. И при этомъ онъ хорошъ, какъ Антиной, и очарователенъ, какъ Донъ-Жуанъ! Allons! Сегодня же начнемъ готовить приданое.

III.

Утро Оливера началось только въ двѣнадцатомъ часу, когда онъ подѣхалъ къ отелю въ сильномъ гоночномъ автомобилѣ, чтобы взять съ собою Монтэго. Черезъ предмѣстья отправились они къ «узловому пункту» автомобилистовъ, какъ выражался Оливеръ—къ ресторану «Ястребиное гнѣздо».

Оливеръ ѣхалъ съ такой головкружительной быстротой, что Монтэго приходилъ въ ужасъ, а полицмэны устраивали за ними погоню, съ цѣлью арестовать ихъ; но Оливеръ, весело смѣясь, ускользалъ отъ нихъ; и хотя пріѣхали съ нѣкоторымъ опозда-

ніемъ, но застали все общество еще за завтракомъ.

Общество состояло изъ одинаковаго числа мужчинъ и дамъ. Это были все молодые люди, называвшіе другъ-друга по имени: Робби, Фредди, Клэри, Берти,—и выслушавшіе съ громкимъ смѣхомъ приключенія «Олли» и то, какъ его едва не арестовали полицейскіе.

Клэри Масонъ—одинъ изъ младшихъ сыновей всемогущаго желѣзнодорожнаго короля, рассказывалъ о такихъ же своихъ героическихъ походахъ, а сосѣдка Монтэго за столомъ—Аннабель Прайсъ, которую всѣ называли «Билли», съ увлеченіемъ рассказывала, какъ она чуть не переѣхала толстую ирландку, а «Бэбби»—Глэдисъ-де-Миль—дочь банкира рассказывала, какъ она переѣхала дога:—Нѣтъ, послушали бы вы, какой трескъ раздался,—какъ отъ выстрѣла!..

Общество со смѣхомъ и веселыми шуточками выслушивало эти рассказы, поглощая въ огромномъ количествѣ безчисленныя блюда и запивая тонкими винами, причемъ оригинальность завтрака состояла въ томъ, что блюда сдѣлывали въ хаотическомъ безпорядкѣ: ѣли кремы, а затѣмъ супы, пудинги, а затѣмъ бифштексы, пили кофе, а затѣмъ ѣли какую-то особымъ образомъ приготовленную утку, помпельмусъ (райскіе яблоки во льду, залитые виномъ), а потомъ холодную спаржу, поданную отдѣльно на серебряныхъ подставкахъ. Безконечнымъ и безпорядочнымъ рядомъ сдѣлывали блюда до четырехъ часовъ, и только тогда завтракъ былъ законченъ.

Всѣ сѣли въ автомобили и съ бѣшеной быстротой помчались въ «Шварцвальдъ», гдѣ находился охотничій домъ Юллинга.

Охотничій домъ оказался огромнымъ замкомъ, построеннымъ по образцу старой крѣпости Прованса, съ подъемными мостами и вертикальными башнями,—весь изъ суроваго гранита. Въ вестибюлѣ ярко пылалъ каминъ двѣнадцати футовъ шириной, сдѣланный изъ цѣльнаго куска гранита, въ которомъ лежали сосновые стволы.

Затѣмъ общество отправилось въ залъ для тенниса, а часть въ залъ для плаванья. Стѣны и полъ бассейна были изъ мрамора и вокругъ всего бассейна шла бронзовая галерея, съ которой можно было смотрѣть въ зеленую глубину бассейна. Здѣсь же были туалетныя комнаты ослѣпительной роскоши для мужчинъ и дамъ, паровыя помѣщенія для всякаго рода массажа, электрическіе аппараты для сушенія волосъ дамъ.

По окончаніи игръ и купанья, электрическая подъемная машина доставила Монтэго въ отведенную ему комнату, гдѣ вещи его были уже разобраны, а фрачная пара лежала приготовленная для одѣванія къ обѣду.

Въ «Ястребиномъ гнѣздѣ» былъ только легкій завтракъ,—теперь предстоялъ обѣдъ, приготовленный великимъ мастеромъ—поваромъ Юллинга, который получалъ десять тысячъ долларовъ въ годъ. За обѣдомъ велась та же бесѣда, что и за завтракомъ, общество такъ же неудержимо смѣялось и шумѣло и такъ же неумѣренно ѣло и пило. Обѣдъ продолжался безконечно долго, стаканы опорожнялись и, словно по волшебству, вносъ наполнялись. Смѣхъ становился все громче; нѣкоторые начали пѣть; въ свободныхъ позахъ дамы развалились въ креслахъ; безпумно скользила прислуга, и только одинъ Монтэго замѣчалъ ихъ, думая о томъ, какъ они должны смотрѣть на «господъ».

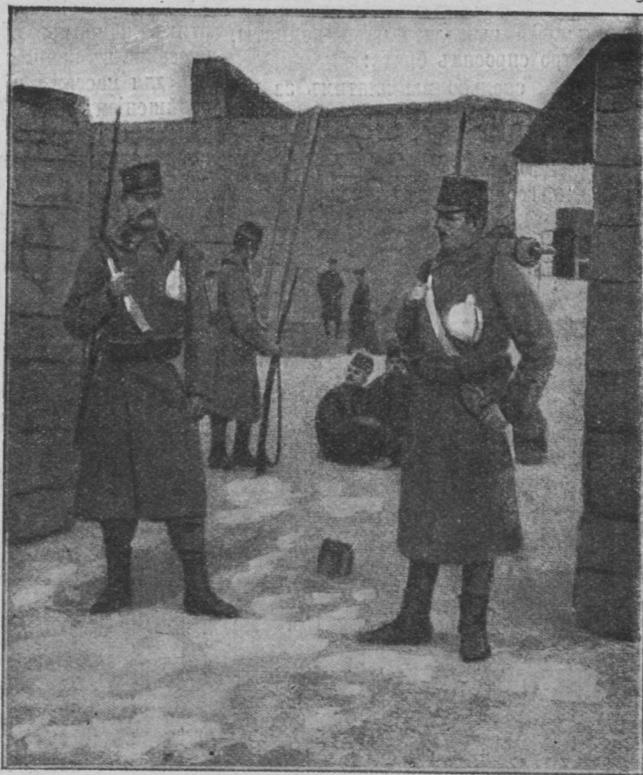
Послѣ обѣда общество разбилось на группы.

— Меня зовутъ Бетти Вимэнь,—сказала молодая дама, подходя къ Монтэго,—мы должны быть добрыми друзьями, такъ какъ Олли мой «постоянный партнеръ».

Военныя приготовления на австро-сербской границѣ.

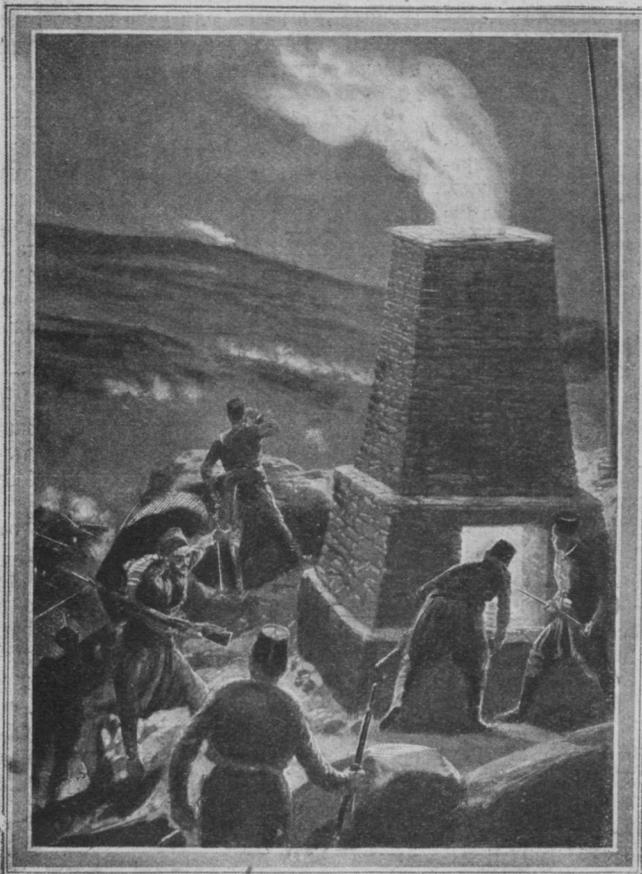
Королевичъ Георгій, наслѣдникъ сербскаго престола.
 Съ фотографіи Іовановича въ Бѣлградѣ.

Сербская пѣхота въ новой формѣ.

Упражненія сербской артиллеріи съ новыми орудіями, выписанными изъ Франціи.

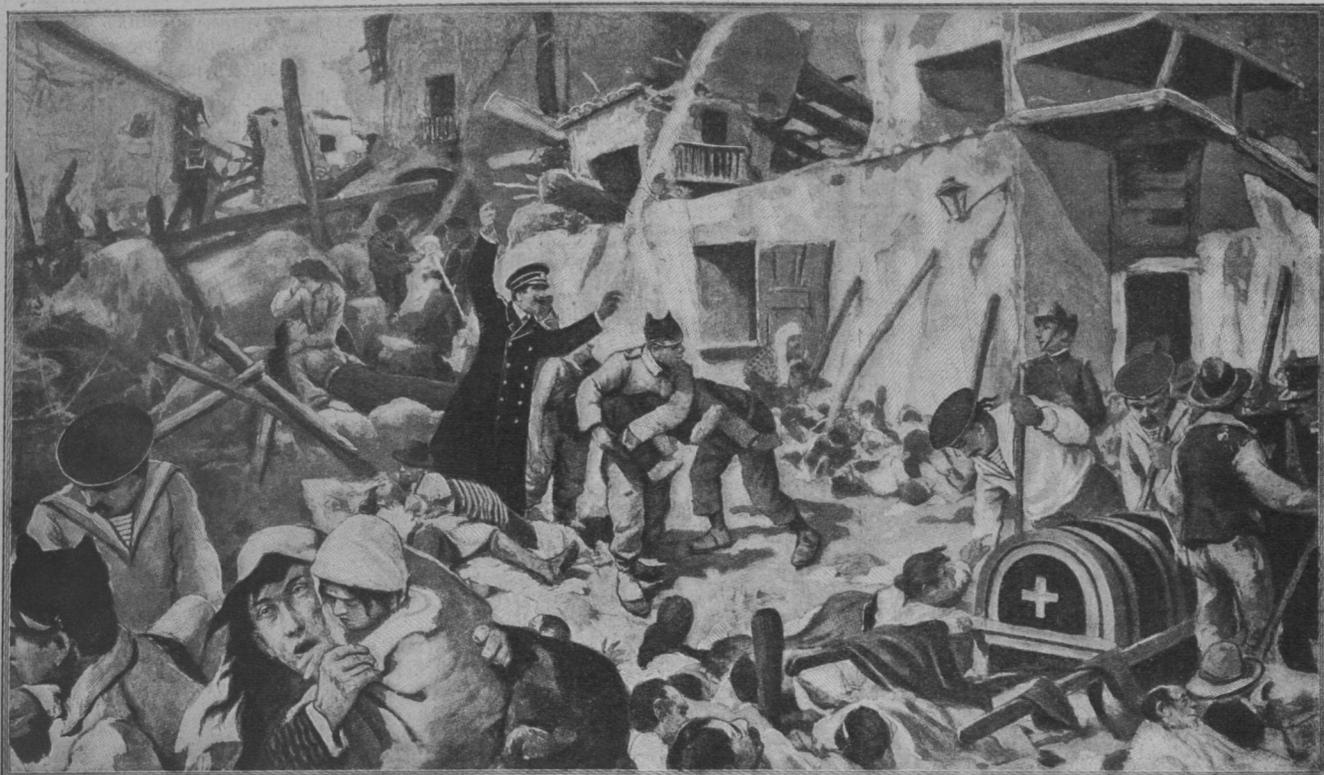
Австрійская сигнальная печь на сербско-боснійской границѣ.

Въ случаѣ приближенія непріятеля днемъ извергаетъ густые клубы дыма, видныя на большихъ разстояніяхъ, ночью—горитъ яркимъ пламенемъ.

Учебная стрѣльба по цѣли, изображающей будущаго врага, въ казармахъ въ Нишѣ.

Самоотверженная дѣятельность русскихъ моряковъ въ Мессинѣ.

Подъ руководствомъ русскаго морскаго врача гардемарина и матросы военнаго судна „Адмиралъ Макаровъ“ откапываютъ вмѣстѣ съ итальянскими пѣхотинцами пострадавшихъ при землетрясеніи.
Съ рисунка очевидца, авторства журнала «Огонекъ».

Русскій санитарный отрядъ, явившійся ранѣе всѣхъ на мѣсто катастрофы, оказываетъ первую помощь пострадавшимъ.

Съ оригинальнаго рисунка, присланнаго съ мѣста редакціи журнала «Огонекъ».

— Я имѣю рекомендательное письмо къ мистеру Вимэну въ Нью-Йоркъ,—это не родственникъ вашъ?—спросилъ Монтэю.

Мистеръ Вимэнъ—президентъ желѣзнодорожныхъ обществъ оказался ея отцомъ, но Бетти, смѣясь, посоветовала ему не относить письма, такъ какъ ея отецъ, увѣряла она, съѣсть его изъ ненависти къ Олли. Послѣ этого она, смѣясь, рассказала сказку о принцессѣ и царевичѣ, которые любили другъ друга, но злой король мѣшалъ ихъ счастью и потомъ перебила сама себя, выразивъ удивленіе своей болтовнѣ, между-тѣмъ какъ она прежде такъ боялась его: «Олли увѣрялъ, что вы странно серьезны».

— Правда, что вы хотѣли поселиться въ предмѣстїи и тамъ работать? Это было бы очень глупо. Гораздо прїятнѣе въ такомъ вотъ замкѣ проводить время.

— Возможно. Но у меня замка нѣтъ.

— Это у васъ скоро будетъ. Поживите среди насъ и вы скоро женитесь на какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ, а онѣ всѣ скоро будутъ у вашихъ ногъ: у васъ такой восхитительно-мягкій голосъ и такой романтической видъ.

— Впрочемъ, если молоденькія дѣвушки будутъ васъ бояться, то дамочки навѣрное всѣ влюбятся въ васъ, а это самый вѣрный путь къ успѣху,—продолжала она болтать, приведя въ ужасъ Монтэю своими взглядами. Его ужасъ отъ души забавлялъ Бетти.

— Боже, какъ они восхитительно наивны! восклицала она.

Послѣ того ихъ болтовня перешла на бесѣду о присутствующихъ, и Бетти своимъ милымъ ротикомъ рассказывала невѣроятныя сплетни о каждомъ изъ нихъ.

Только въ часъ ночи начали расходиться по своимъ комнатамъ.

На завтра, къ удивленію Монтэю, привыкшему въ день охоты вставать на разсвѣтѣ, утро началось только въ одиннадцать часовъ, когда всѣ сошлись къ завтраку. Наконецъ, началась охота, которая состояла въ стрѣльбѣ фазановъ, искусственно выведенныхъ, прирученныхъ и выпущенныхъ тысячами на волю въ день охоты. Дамы и кавалеры шли попарно, около каждого изъ нихъ двое слугъ несли запасныя, заряженныя ружья, а впереди бѣжали люди, гнавшіе палками птицъ и тѣмъ заставлявшіе ихъ подниматься на воздухъ, чтобы «охотники» могли стрѣлять на лету.

Хотя Монтэю эта охота была отвратительна, какъ бойня, все-же онъ стрѣлялъ и понадалъ безъ промаха, чѣмъ вызвалъ полный восторгъ своей дамы и всѣхъ окружающихъ. Монтэю былъ объявленъ побѣдителемъ и ему былъ присужденъ призъ, состоявшій изъ прибора для бритья въ золотомъ футлярѣ, усѣянномъ брилліантами. Послѣ вторичнаго завтрака гости начали разбѣжаться; Монтэю и Оливеръ вернулись въ Нью-Йоркъ.

IV.

Вернувшись домой, они застали цѣлую выставку принадлежностей домашняго туалета и среди всѣхъ этихъ изяшныхъ вещей — Алису, взволнованную, довольную и почти пенуганную.

— Это должно стоить безумныхъ денегъ, откуда ты ихъ возьмешь, Оливеръ?

— Это ужъ мое дѣло, отвѣтилъ онъ, смѣясь, ты-же позаботься только о томъ, чтобы быть очаровательной.

Когда Алиса пошла переодеваться, Монтэю далъ волю недоумѣнію и почти ужасу, но выслушалъ только спокойный отвѣтъ Оливера, что всѣ эти тряпки должны стоить тысячь двадцать долларовъ и что всего этого хватитъ едва до весны; что дамы тратятъ не меньше пятидесяти ты-

сячь долларовъ на туалетъ ежегодно, а многія и до ста тысячъ.

На настойчивые вопросы Аллана, откуда у него деньги, Оливеръ спокойно заявилъ, что у него огромный кругъ знакомыхъ и, слѣдовательно, онъ можетъ быть полезенъ различнымъ поставщикамъ.

— И всѣ это знаютъ?—спросилъ удивленно Алланъ.

— Почему же нѣтъ? Многіе въ лучшихъ кругахъ это дѣлаютъ. Прїѣзжаетъ человекъ незнакомый съ городомъ, — я рекомендую ему различныхъ поставщиковъ,—что же въ этомъ дурного? — Или, напримѣръ, Робби Юллингъ тратитъ ежегодно нѣсколько милліоновъ и, конечно, не можетъ самъ и слѣдить за всѣмъ. Почему же ему не попросить кого-либо изъ друзей позаботиться объ этомъ? Или представимъ себѣ,—основывается какой-либо новый магазинъ, которому очень важно для рекламы получить клиенткой мистриссъ Юллингъ. Этотъ магазинъ охотно дастъ ей скидку, а мнѣ коммисіонныя за то, что я уговорю мистриссъ Юллингъ. Что же во всемъ этомъ дурного?

Услышавъ шаги Алисы, они прервали разговоръ, и Оливеръ напомнилъ Аллану, что сегодня вечеромъ они приглашены къ мистриссъ Винни Дюваль на обѣдъ въ интимномъ кружкѣ. Она была очень расположена къ Оливеру, и обѣдъ устраивался для того, чтобы дать возможность Аллану и Алисѣ познакомиться со многими интересными людьми.

Она кстати хотѣла пригласить своего двоюроднаго брата Чарли Картера, «котораго она хочетъ женить»,—смѣясь прибавилъ Оливеръ.

Мистриссъ Винни прислала закрытый автомобиль, который долженъ былъ доставить ихъ на пятую авеню въ ея домъ, построенный изъ бѣлаго мрамора и прозванный поэтому «снѣжнымъ дворцомъ».

Дворецкій громко доложилъ о нихъ, и у дверей ихъ встрѣтила мистриссъ Винни. Монтэю никогда не могъ забыть своего перваго впечатлѣнія при видѣ ея. Она ему показала прическу изъ того же индійскаго дворца, отдѣлка котораго, какъ онъ слышалъ, была привезена для украшенія «снѣжнаго дворца» мистриссъ Винни. Высокая брюнетка съ полной шеей и грудью, величественной фигурой, пурпурными губами и черными волосами и глазами,—она была не только хороша, но и странно обаятельна.

Послѣ обѣда, поразившаго Монтэю своей изысканностью, гости образовали группы для игры, а Алису занималъ Чарли Картеръ; хозяйка мистриссъ Винни повела Монтэю осматривать дворецъ. Въ зимнемъ саду они надолго остановились около бассейна съ фонтаномъ. Мистриссъ Винни рассказывала ему много о себѣ и о своемъ мужѣ, о своихъ привычкахъ и чувствахъ, которыхъ люди кругомъ не понимаютъ, считая ихъ причудами и оригинальничаньемъ. Она говорила о чувствѣ тоски и неудовлетворенности, такъ часто всецѣло овладѣвающимъ ея душой, что она способна на всякія приключенія. Недавно она готова была переселиться въ предмѣстье, чтобы жить съ бѣднымъ человекомъ и стараться быть имъ полезнымъ.

— Мнѣ кажется, что главное затрудненіе въ томъ, что ихъ—этихъ бѣдныхъ—очень много,—правда?

Все это она говорила такимъ чарующе-мягкимъ голосомъ, съ такой трогательной искренностью и при этомъ была такъ обаятельно-хороша, что Монтэю чувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ и тронутымъ. Теперь она интересуется оккультизмомъ, ее тянетъ къ мистицизму, и спеціально интересуется сектой бабистовъ.

Бесѣдуя такъ, они перешли въ картинную

галерею, и, переходя отъ одной картины къ другой, она продолжала говорить своимъ чарующимъ голосомъ объ индійцѣ — Свами Бабубанана, который теперь посвящаетъ ее въ тайны бабизма, о его поразительно красивыхъ рукахъ и большихъ карихъ глазахъ,—«совѣмъ, совѣмъ такихъ, какъ у газелей въ нашемъ имѣніи на югѣ».

А души серьезныхъ старыхъ мастеровъ молча глядѣли на нихъ съ полотно картинной галереи.

V.

Оливеръ все дальше и дальше затягивалъ Монтэю въ эту жизнь нью-йоркскаго «свѣта», настаивая на томъ, что только благодаря этимъ связямъ, онъ сумѣетъ устроиться и проявить свои способности и знаніе.

Обѣды, завтраки, балы у «верхнихъ четырехсотъ» Нью-Йорка слѣдовали одинъ за другимъ, и Монтэю жилось, какъ въ чадѣ. Онъ провелъ нѣсколько дней въ замкѣ короля стального треста—Гавенса, пораженный безумной роскошью замка и чуждой и гнетущимъ одиночествомъ его владѣльцевъ: въ сотняхъ комнатъ этого дворца жило только двое людей—мистеръ и мистриссъ Гавенсъ, причѣмъ они вѣчно ссорились и ненавидѣли другъ друга. Чтобы не оставаться съ глазу на глазъ, они всегда жили, окруженные гостями, — туда прїѣзжали, какъ въ отель, жили, сколько хотѣли и какъ хотѣли,—и уѣзжали.

У Гавенсовъ, между прочимъ, онъ познакомился съ директоромъ общества страхования жизни Бандамомъ. И Монтэю, начинавшій осваиваться съ этой пустой, лживой и грубой жизнью, все же ужаснулся, когда ближе разсмотрѣлъ этого человека. Фредди Бандамъ былъ модный денди со всѣми смѣшными и карикатурными сторонами его, пустой и вылощенный, безъ единой мысли въ головѣ. И этотъ человекъ управлялъ капиталомъ въ пятьсотъ милліоновъ долларовъ! Монтэю съ отчаяніемъ ломалъ себѣ голову надъ этой загадкой.

А затѣмъ онъ имѣлъ прекрасный случай видѣть все это общество въ полномъ сборѣ на скачкахъ въ Нью-Йоркѣ. Еще за недѣлю до скачекъ весь «свѣтъ» только о нихъ думалъ, о нихъ говорилъ. Казалось, что весь Нью-Йоркъ помѣшался на этой идеѣ. Но и въ этомъ не было даже любви къ спорту, или спеціальной страсти къ лошадамъ: это былъ только поводъ для выставки костюмовъ, для соревнованія во всяческомъ тщеславіи. Десятки тысячъ людей съѣзжались изъ всей страны, чтобы увидѣть «весь свѣтъ» въ сборѣ, туалеты мистриссъ Вимэнъ, лошадей мистера Юллинга и такъ дальше. А потомъ столбцы газетъ подробно описывали все это, помѣщали фотографии дамъ, кавалеровъ и ихъ лошадей. И въ этомъ угарѣ тщеславія жила Монтэю.

Оторванный отъ своей естественной среды и работы, онъ ужасался этой жизни, презиралъ, наблюдая ее, но освободиться отъ нея у него не хватало силъ. И презирая этотъ «свѣтъ» съ его безумною роскошью современной цивилизаціи, но безъ одинаго намека на изящество культурной интеллигентности, — съ его вѣщимъ лоскомъ, но съ душевною робостью выскочекъ и вчерашнихъ маклеровъ, съ его обжорствомъ, пьянствомъ и циничнымъ преклоненіемъ передъ единымъ божествомъ—долларомъ,—онъ продолжалъ жить среди нихъ и наблюдать ихъ.

Жажда наслажденій, грубые инстинкты вытравли въ чувства у этихъ людей, и это грозило полнымъ вырожденіемъ. Никто изъ всѣхъ его знакомыхъ дамъ не имѣлъ дѣтей, такъ какъ беременность и материнство представляли много неудобствъ, и материнскій

инстинкт искать себѣ выхода въ любви къ кошкѣмъ, собакамъ.

Мистрисъ Смитъ, напримѣръ, содержала специалистку для ухода за ея двумя собаками, которой платила сто долларовъ въ мѣсяць, кромѣ того, еще отдѣльную слугу и повара, который особо готовилъ для нихъ и подавалъ имъ кормъ на золотой посудѣ. Эти собаки имѣли, кромѣ того, отдѣльныхъ врача и дантиста. Другія дамы нѣли особые туалеты для своихъ собакъ; собаки имѣли комнатные костюмы, костюмы для прогулокъ, собольи шубы и мѣховые накидки для автомобильной ѣзды! Онѣ носили ошейники, усыпанные рубинами и брилліантами, стоимостью въ десятки тысячъ долларовъ. Рассказывали объ одномъ молодомъ человѣкѣ изъ «свѣта», который въ отелѣ записалъ себя и «миссъ Эльзу». Когда секретарь полюбопытствовалъ, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ онъ съ этой дамой, оказалось, что «миссъ Эльза» — это собака, для которой была заказана отдѣльная комната въ отелѣ.

А потомъ эта страсть къ азартнымъ играмъ, размѣры которой могли только соперничать со страстью къ опьяняющимъ напиткамъ.

Монтэю пробылъ нѣсколько дней на охотѣ у Зигфрида Гарвея. Та же безумная роскошь, тѣ же обѣды, устраиваемые поварами, получающими десять тысячъ въ годъ жалованья, та же пустота въ развлеченияхъ и непрерывная азартная игра. У Гарвея Монтэю могъ хорошо присмотрѣться къ Чарли Картеру, который объявилъ себя вѣрнымъ рыцаремъ Алисы, находился неотлучно при ней и всѣми способами демонстрировалъ свои «серьезныя намѣренія». По внимательномъ разсмотрѣніи, Чарли Картеръ оказался истиннымъ дегенератомъ, который, получивъ десять лѣтъ роду наследство въ восемь милліоновъ, началъ рано пить и предаваться всевозможнымъ излишествамъ. Ему было всего двадцать три года, но онъ похожъ на старика. Монтэю рѣшилъ всѣми силами препятствовать сближенію молодыхъ людей.

Былъ онъ и въ оперѣ, по приглашенію генерала Прентайса, въ его ложѣ. Это оказалось тоже выставкой нарядовъ и драгоценныхъ камней. Эти люди не понимали и не любили искусства. Монтэю привелъ въ ужасъ Оливера тѣмъ, что онъ сидѣлъ и внимательно слушалъ.

— Что подумаютъ, видя тебя такимъ задумчивымъ?

— Подумаютъ, что я слушаю музыку, — отвѣтилъ Монтэю.

— Не ходять же въ оперу для того, чтобы слушать музыку!

Это не было злой шуткой со стороны Оливера, такъ какъ опера, какъ и художественныя выставки, были только парадомъ тщеславія, и считали «неприличнымъ» серьезно интересоваться этимъ. Эти люди могли, на самомъ дѣлѣ, интересоваться только элементарными представленіями — грубыми и вульгарными фарсами; — тогда они отъ души смѣялись и повторяли особенно пикантныя словечки и пѣсенки.

Балы слѣдовали одинъ за другимъ. Балъ у Дювалей, затѣмъ у мистрисъ де-Граффенрида, на которомъ Монтэю познакомился съ величайшимъ финансовымъ королемъ — Реганомъ, балъ у Юллинговъ, данный въ честь Алисы и еще, и еще балы.

Всюду онъ встрѣчалъ мистрисъ Винни и невольно все болѣе подпадалъ подъ власть ея чаръ. Нѣсколько разъ онъ проводилъ у нея вечера въ интимной бесѣдѣ, и она просила его пойти съ нею въ церковь. Посѣщеніе великосвѣтской церкви убѣдило его, что эти люди ходятъ и въ церковь такъ же, какъ и въ оперу.

Въ церкви же онъ встрѣтился съ судьей Эллисомъ, который пригласилъ его на завтракъ къ себѣ и заявилъ, что онъ имѣетъ ему сдѣлать дѣловое предложеніе.

Спустя нѣсколько дней онъ былъ у судьи, и послѣ завтрака за сигарой судья заговорилъ о дѣлѣ.

Съ большими оговорками и предосторожностями, увѣривъ Монтэю, что онъ говорить только по просьбѣ другого человѣка, что совершенно не заинтересованъ въ этомъ, судья Эллисъ познакомилъ его съ этимъ дѣломъ.

Оказалось, что знакомый Эллиса, мистеръ Гасбрукъ, хочетъ повести процессъ противъ страховыхъ обществъ, которыя не выдаютъ остатковъ суммъ и переборамъ въ качествѣ дивидендовъ, полисодержателямъ, какъ они на самомъ дѣлѣ должны были бы дѣлать. Такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ собираются колоссальныя капиталы, которыми они пользуются, чтобы оказывать влияние на фондовый рынокъ.

Конечно, въ Нью-Йоркѣ можно найти много юристовъ, которые возьмутся за это дѣло, но людей съ именемъ и положеніемъ, которые не побоялись бы всѣхъ неприятностей, сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ, можетъ быть придется долго искать. Страховое общество «Фиделити» (Монтэю вспомнилъ Фредди Бандама, съ которымъ онъ познакомился въ замкѣ Гавенса, и который, какъ онъ зналъ, былъ директоромъ этого общества) очень сильно, имѣетъ слишкомъ много финансовыхъ и общественныхъ связей, чтобы не быть въ состояніи или отравить жизнь такому смѣльчаку юристу, или же заставить его отказаться отъ веденія процесса. Онъ, Эллисъ, считаетъ поэтому своимъ долгомъ предупредить мистера Монтэю, что, хотя этотъ процессъ имѣетъ огромный интересъ и представляетъ собою огромную справедливость, все же онъ долженъ очень подумать, брать ли его, такъ какъ это можетъ испортить всю его карьеру и причинить слишкомъ много неприятностей.

Когда, несмотря на все это, Монтэю твердо заявилъ, что онъ беретъ все же процессъ, то Эллисъ напомнилъ Монтэю, что онъ долженъ потребовать соответственное вознагражденіе, и, такъ какъ мистеръ Гасбрукъ очень богатый человѣкъ, то на мѣстѣ Монтэю онъ потребовалъ бы съ него не меньше пятидесяти тысячъ долларовъ.

Условившись о встрѣчѣ Монтэю съ Гасбрукомъ, они разошлись, и Монтэю ушелъ совершенно опьяненный этой своей удачей. — возможностью взяться, наконецъ, за работу, и тѣмъ, что ему предстоитъ сразу такой большой заработокъ.

Подысканіе квартиры для бюро въ дѣловой части города, обзаведеніе книгами и всѣмъ необходимымъ отняло много времени и черезъ нѣсколько дней онъ принималъ у себя въ бюро мистера Гасбрука.

Худой, невзрачный господинъ, чрезвычайно нервный, какъ видно, хорошо знающій страховое дѣло, очень горячо и волнуясь обсуждалъ несправедливость, учиняемую страховыми обществами. Обсудивъ детально все и выслушавъ планъ веденія процесса, предложенный ему Монтэю, онъ согласился съ нимъ и закончилъ свиданіе обсужденіемъ размѣра гонора, причитающагося Монтэю. Волнуясь немного, Монтэю все же сказалъ цифру, предложенную судьей Эллисомъ. Не моргнувъ глазомъ, Гасбрукъ вручилъ ему чекъ на пятьдесятъ тысячъ долларовъ.

Монтэю чувствовалъ себя такъ, какъ будто онъ завоевалъ весь Нью-Йоркъ и лихорадочно отдался работѣ. День онъ проводилъ въ бюро, а вечеромъ за бумагами у себя въ комнатѣ.

Мистрисъ Винни была въ отчаяніи, что

онъ не является къ ней и безчисленный приглашенія на diner, soirée, охоты и др. онъ оставлялъ безъ вниманія, углубившись цѣликомъ въ свою работу.

Оливеръ ворчалъ, настаивая, что для адвоката не только важно выиграть первый процессъ, но не менѣе важно играть извѣстную роль въ обществѣ. Монтэю ни на что не обращалъ вниманія, отдавшись цѣликомъ своему дѣлу.

VI.

Приблизительно черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ сталъ капиталистомъ, къ нему позвонилъ маіоръ Торнъ и попросилъ къ себѣ. Оказалось, что маіоръ предлагалъ ему организовать акціонерную компанію и самому принять участіе въ эксплоатации какого-то изобрѣтенія его племянника. Монтэю едва было не согласился на это, но практичный Оливеръ поднялъ его на смѣхъ и не допустилъ до этого: «подожди немного, я найду для тебя дѣло, гдѣ не будетъ никакого риска».

И все-же, несмотря на протесты Монтэю, онъ то и дѣло долженъ былъ оставлять работу, чтобы исполнять «свой долгъ передъ обществомъ и передъ своей карьерой», какъ это называлъ Оливеръ. Онъ долженъ былъ принять приглашеніе на нѣсколько дней въ Листеръ-Тодсамъ, гдѣ общество было, пожалуй, еще менѣе сдержанно и еще болѣе грубо въ своихъ удовольствіяхъ и забавахъ.

Но Оливеръ этимъ не довольствовался и требовалъ, чтобы рождественскую недѣлю Монтэю провелъ у Эльдриджъ-Девансовъ, откуда получено было приглашеніе, чрезвычайно лестное, по мнѣнію Оливера. Монтэю отговаривался недостаткомъ времени, но каково было его удивленіе, когда, нѣсколько дней спустя, ему былъ доставленъ пакетъ отъ мистера Гасбрука, въ которомъ все колоссальное дѣло находилось почти въ обработанномъ видѣ, со всѣми необходимыми цитатами, ссылками на законы и пр. и пр.

Это это поразило и почти взволновало. Что это значитъ? Итакъ, онъ только подставное лицо?

Взволнованный, онъ потребовалъ Гасбрука къ телефону и спросилъ, что ему дѣлать съ бумагами?

Мистеръ Гасбрукъ очень любезно и предупредительно предоставилъ это цѣликомъ на его усмотрѣніе, — быть можетъ, это будетъ ему полезно какъ матеріалъ, если нѣтъ, то онъ можетъ это выбросить; онъ, Гасбрукъ, цѣликомъ полагаются на уважаемаго мистера Монтэю.

Просидѣвъ нѣкоторое время въ глубокой задумчивости, Монтэю кончилъ тѣмъ, что принялъ приглашеніе Эльдриджъ-Девансовъ.

Но еще раньше интересной рождественской недѣли у Эльдриджъ-Девансовъ, онъ пережилъ очень бурный день, благодаря Оливеру.

За раннимъ завтракомъ его извѣстилъ Оливеръ по телефону, что онъ ѣдетъ къ нему. Этотъ визитъ въ такой необычайно ранній часъ для Оливера поразилъ Монтэю.

— Теперь настоящей моментъ, чтобы ринуться въ битву и выйти изъ нея съ состояніемъ. Подробности я не могу рассказать; объ этой тайнѣ знаютъ только четверо. Такой шансъ бываетъ разъ въ жизни, и его надо использовать. Теперь ты долженъ цѣликомъ довериться мнѣ, собрать всѣ свои деньги и вручить ихъ мнѣ, я куплю на нихъ акцій.

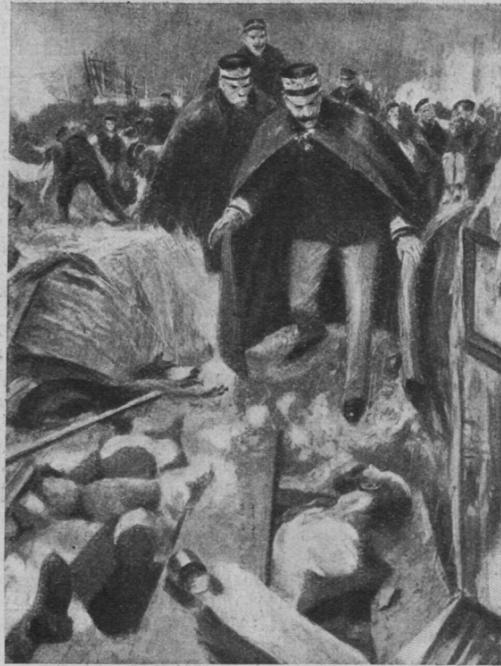
— И такъ, ты будешь играть на разницу?

— Ну, конечно, но будь увѣренъ, что я бью навѣрняка. Я знаю, что будутъ играть на пониженіе.

— А если тебя обманываютъ?

— Я знаю не отъ этого лица, а отъ дру-

Землетрясені Южной Италиі.

Король Виктор-Эммануиль III на развалинах Реджіо.

Восемь дней между жизнью и смертью. Полузаваленный обломками взывает о помощи.

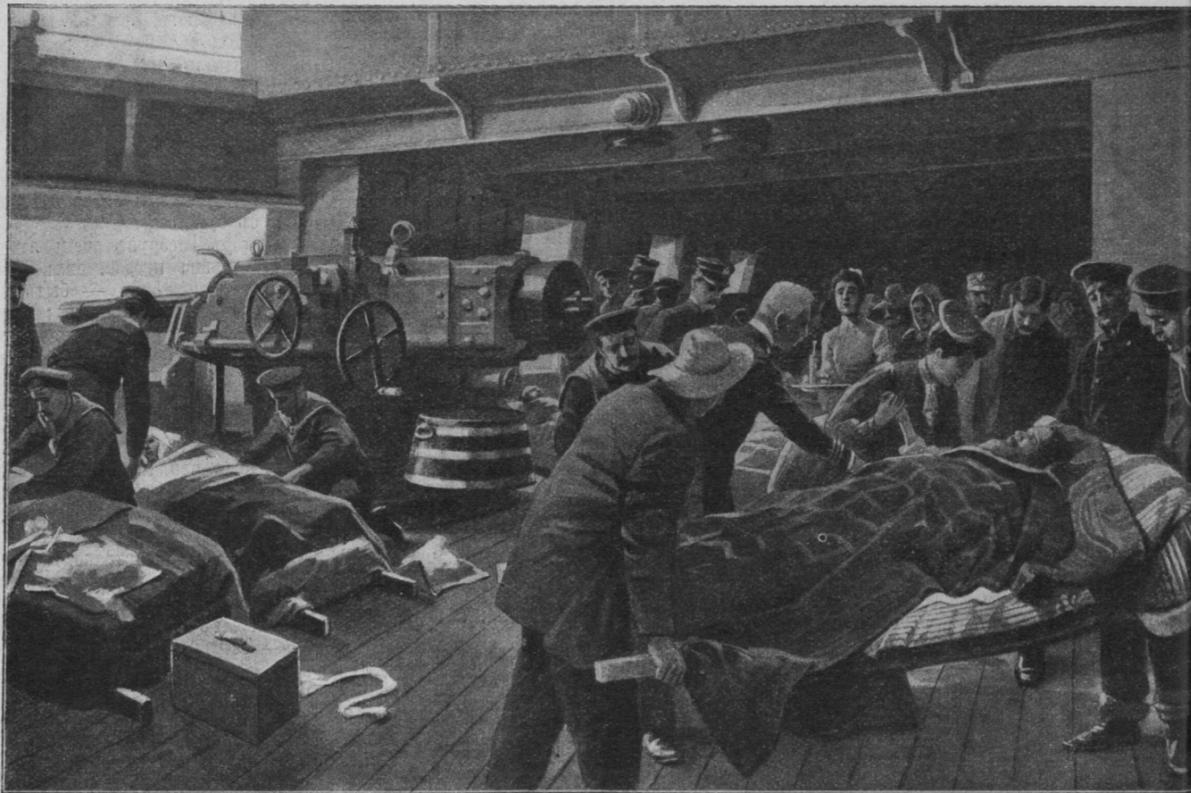
Отрядъ русскихъ, подъ руководствомъ гардемааетъ дѣвушку со стѣны рухнува въ Мессинѣ.

На руинахъ Мессины появились гонимыя катастрофы разсылающія драгоценности, но отказывающія въ помощи погибшимъ и во многихъ случаяхъ даже убивающія, разъ предполагалась легкая добыча. Итальянскіе и иностранные отряды моряковъ должны были устроить дѣлую облаву, чтобы очистить мѣсто катастрофы отъ безпощадныхъ убійцъ и мародеровъ.

Процессія съ покрываломъ св. Агаты, покровительницы Катаніи, сопровождаемая бѣглецами, спасшимися отъ землетрясенія.

Королева Елена въ судовомъ лазаретѣ утѣшаетъ раненыхъ.

Въ согласіи съ благородными традиціями Савойскаго Дома, которому девизомъ служатъ: «Avanti Savoia» («Впередъ Савоя»), король и королева Италиі посѣщали на мѣсто несчастій, вызванныхъ землетрясеніемъ, лишь только ими было получено извѣстіе объ этой катастрофѣ, и энергично руководили спасательными ропріятіями, самоотверженно принося раненымъ и ободряя пострадавшихъ.

Ужасы Мессины. Безумное бѣгство жителей, застигнутыхъ землетрясеніемъ и водянымъ валомъ съ моря.

Съ наброска очевидца рисоваль А. Біанкини.

того, — заинтересованного так же, как и я.

— Другими словами, твои свѣдѣнія украдены?

— Ну, — спокойно отвѣтил Оливеръ, — въ Валль-Стриттѣ все краденое. Положись на меня, мы играемъ безъ всякаго риска.

Онъ вынулъ телеграмму, и Монтэю прочиталъ: «Гость немедленно прѣзжаетъ. Генри».

— Это значитъ: покупай сегодня утромъ трансконтинентальныя акціи, — перевелъ ему Оливеръ и прибавилъ дѣловымъ тономъ: — сколько ты можешь собрать денегъ?

— Пятьдесятъ тысячъ почти нетронуты, и почти всѣ тридцать тысячъ, которые мы привезли съ собою.

Монтэю было въ глубокомъ затрудненіи. Не могъ же онъ сказать Оливеру, что «твоя игра, твоя жизнь, всѣ твои поступки противны мнѣ», — Оливеру, который былъ такъ нѣженъ къ нему и къ Алисъ, который жертвовалъ столь многимъ для нихъ. Да и, въ концѣ-концовъ, жизнь — это битва, и какой будетъ смыслъ въ томъ, что онъ не используетъ случая, дарящаго ему побѣду въ этой жестокой битвѣ? И если какой-то Крезъ по своему производству играетъ цѣнностями на биржѣ, то развѣ это преступленіе — заставить его подблиться своей добычей? Монтэю чувствовалъ, какъ онъ постепенно склонился на точку зрѣнія Оливера.

— Сколько же ты можешь сразу же достать? — спросилъ Оливеръ.

— Я могу достать всѣ, но возьму только пятьдесятъ, — остальные тридцать принадлежатъ матери и Алисъ, я не считаю себя вправѣ располагать ими.

— Какъ знаешь, — сухо отвѣтил Оливеръ, — но такой случай не повторится больше.

Монтэю согласился взять все же шестьдесятъ тысячъ. Они подѣхали къ банку, и черезъ четверть часа кассиръ отсчиталъ ему шесть бумажекъ, по десяти тысячъ долларовъ каждая. Оливеръ взялъ и свои сто двадцать тысячъ долларовъ, и они пошли внизъ по Бродвею къ Валль-Стритту. Осталось еще четверть часа до открытія биржи.

Оливеръ далъ Монтэю всѣ необходимыя инструкціи по покупкѣ трансконтинентальныхъ акцій на разницу и направилъ его въ ближайшую контору, условившись предварительно о мѣстѣ встрѣчи.

Въ конторѣ ему не удалось купить двадцати тысячъ акцій, такъ какъ у него не хватило денегъ, и онъ купилъ четырнадцать тысячъ по первоначальному курсу пятьдесятъ девять пять восьмыхъ.

Они взяли входныя билеты на галерею и оттуда наблюдали эту безумную вакханалію азарта и разгула хищническихъ инстинктовъ. Но, когда вложишь весь капиталъ въ трансконтинентальныя, то теряешь безпристрастіе наблюдателя.

Очень скоро ихъ начала бить лихорадка. Спустившись внизъ, они на доскѣ у бюро маклера узнали, что «Тр.—К.» стоятъ на шестидесяти. Они облегченно вздохнули. Это было въ половинѣ одиннадцатаго.

«Тр.—К.» медленно шли въ гору: на восьмую, еще на восьмую, на четверть, еще на восьмую... Биржа волновалась, какъ океанъ въ штормѣ.

— Что это значитъ? Кто-то покупаетъ, покупаетъ настойчиво, послѣдовательно, неуклонно и «Тр.—К.» покорно шли по чьей-то невидимой указкѣ все выше и выше.

Вотъ они стоятъ на шестидесяти шести. Монтэю хотѣлъ бы продать, чтобы спокойно наслаждаться побѣдой, но Оливеръ находить, что еще рано, еще время не наступило.

И въ этотъ же моментъ аппаратъ началъ опять показывать повышеніе, — безпокой-

ное, настойчиво-лихорадочное, стремительно-бурное.

Телеграфы, телефоны, всѣ бюро лихорадочно работали, охваченные страстью наживы, пущенные, какъ маріонетки, чьей-то рукой въ безумный танецъ.

По биржѣ разнеслось извѣстіе, что директора «Тр.—К.» объявили три процента дивиденда и, кромѣ того, еще два процента чрезвычайныхъ.

— Живо въ контору! Продай во что бы то ни стало до закрытія биржи! — кинулъ Оливеръ и убѣжалъ.

Черезъ часъ они встрѣтились въ конторѣ. Монтэю продалъ по курсу семьдесятъ восемь три восьмыхъ, Оливеру удалось получить пять восьмыхъ. Въ восторгѣ, ослѣпленные побѣдой, они возвращались домой, подсчитывая барыши. На долю Монтэю приходилось почти четверть милліона и на долю Оливера ровно вдвое больше.

Это была недурная плата за шестичасовой «трудъ».

VII.

Хорошо «поработавъ», можно и отдохнуть, а какой отдыхъ можетъ быть пріятнѣе отдыха въ обществѣ прекрасной женщины и, повидимому, дружественно расположенной!

Въ своемъ автомобилѣ, представляющемъ собою настоящій передвижной отель, обаятельная и чарующая, заѣхала мистрисъ Винни за Монтэю, чтобы вмѣстѣ съ нимъ поѣхать въ замокъ Эльдриджъ-Девонсонъ.

И онъ опять жилъ съ этимъ обществомъ, столь далекимъ отъ него, и въ трясины котораго, — онъ чувствовалъ, что опускается все глубже и глубже.

Эльдриджъ-Девонсы составили состояніе тѣмъ, что скупали съ незапамятныхъ поръ помѣстья вокругъ Нью-Йорка. Городъ расширялся, энергія людей превращала пустыню въ кипучій, лихорадочно живущій городъ, всѣ соки города, весь доходъ — безъ затраты съ ихъ стороны труда, энергіи, предприимчивости — попадали цѣликомъ въ огромныя кассы Эльдриджъ-Девонсовъ. Они ничего не дѣлали и получали ренту со своихъ земель, съ каждымъ днемъ поднимающихся въ цѣнѣ, благодаря энергіи другихъ людей.

И здѣсь Монтэю видѣлъ, конечно, тѣ же картины: грубость нравовъ, отсутствіе какихъ-либо интеллектуальныхъ интересовъ, обжорство и пьянство, и единственная страсть — азартная игра.

Вниманіе, которое удѣляла ему мистрисъ Винни, становилось замѣтнымъ не только для всѣхъ, но и для наивнаго Монтэю. Онъ замѣтилъ, что за столомъ ему обыкновенно отводилось мѣсто около нея, и это начинало его смущать и тревожить.

Онъ почти съ удовольствіемъ вырвался изъ замка Эльдриджъ-Девонсовъ, чтобы опять отдаться работѣ и, освободившись отъ блеска чаръ окружающаго общества, онъ могъ опять безпристрастно судить о немъ.

Онъ читалъ о «большомъ свѣтѣ» европейскихъ столицъ и зналъ, что тамъ можно было встрѣтить дипломатовъ, государственныхъ людей, ученыхъ, изслѣдователей, философовъ, поэтовъ, писателей. Здѣсь же не было ничего подобнаго. Духовные работники страны держались вдали отъ этого «общества», которое представляло собою болѣзненный наростъ невѣроятнаго скопленія богатствъ въ рукахъ небольшой кучки людей, которые собирались вмѣстѣ, спланивали другъ о другѣ и въ величавомъ уединеніи жили вдали отъ всей страны.

Особенно жалко и ничтожно было второе поколѣніе, — не то, которое скопляло богатства, а то, которое только пользовалось имъ. Оторванные отъ жизни, не имѣющіе понятія о работѣ, о деньгахъ, добытыхъ трудомъ, они знали только всеильную власть денегъ и

не понимали въ жизни ничего, кромѣ эгоистическаго наслажденія и удовлетворенія своихъ инстинктовъ. Отсюда эта оргія разсѣянной жизни, эта погоня за эмоціями, эта извращенность всѣхъ чувствъ и желаній.

И являлся естественный вопросъ: они-ли одни виноваты въ этомъ, или все общество, вся страна, допускающая, что въ ея средѣ живетъ кучка людей, не знающая, что такое трудъ и въ то же время обладающая невѣроятной мощью колоссальныхъ богатствъ.

И это «второе поколѣніе» очень часто кончало самоубійствомъ, или же занималось спортомъ, на которомъ ломало себя само, или же отдавалось другимъ какимъ-либо болѣзненнымъ причудамъ. Нѣкоторые изъ нихъ уходили въ «станъ враговъ»: организовывали общества, создавали газеты, въ которыхъ яростно возставали противъ современнаго распредѣленія богатствъ. Съ ужасомъ Монтэю однажды встрѣтилъ въ «обществѣ» того молодого человѣка, который произносилъ рѣчь на площади въ день его прѣзда въ Нью-Йоркъ.

Таково было «второе поколѣніе», — не подростало и собиралось выйти на арену жизни уже «третье поколѣніе». Какъ оно будетъ жить, совершенно утратившее всякія связи съ дѣйствительностью, ничѣмъ не сдерживаемое, — безъ традицій, безъ вѣры, безъ идеаловъ, безъ принциповъ, — съ однимъ только безумнымъ убѣжденіемъ, что все должно дѣлаться по его желанію!

Живя въ уединеніи, Монтэю отдавался этимъ мыслямъ и въ то же время энергично подготавливалъ свой процессъ и придавалъ ему окончательную аргументацію. Когда все было готово, мистеръ Гасбрукъ намелъ, что обвиненіе редактировано, быть можетъ, слишкомъ рѣзко.

Всѣ бумаги поданы въ судъ, и уже черезъ нѣсколько часовъ у Монтэю были репортеры. Слово бомба, разразился процессъ въ дѣловыхъ сферахъ.

Но вотъ что странно: репортеры, получивъ отъ Монтэю точное изложеніе сути всего процесса и его общественного значенія, помѣстили не эту бесѣду въ газетахъ, а вмѣсто того интервью съ директорами общества «Фиделити», въ которомъ было выражено убѣжденіе, что весь процессъ есть не болѣе, какъ шантажъ!

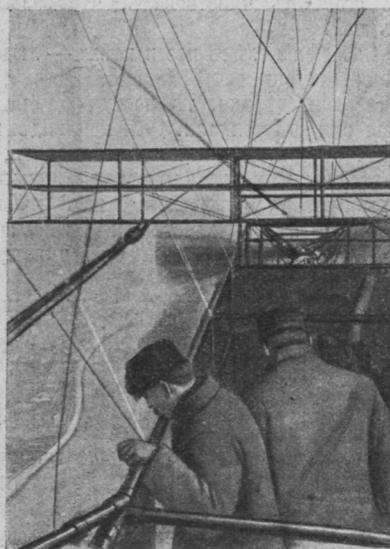
И на поверхности болѣе ничего не было видно, но тамъ глубоко, въ нѣдрахъ финансовыхъ и общественныхъ сферъ — разразилась цѣлая буря.

Первые раскаты ея Монтэю услышалъ отъ Оливера. Оливеръ былъ, какъ безумный: Монтэю, по его словамъ, сдѣлалъ преступное, ужасное, неслыханное дѣло; только сумасшедшій можетъ такъ поступить! Робби Юллинъ рветъ и мечетъ, всѣ капиталы мистрисъ Юллинъ въ страховыхъ компаніяхъ! А старикъ Виманъ, а Фредди Бандамъ!... Оливеръ сыпалъ именами, отношеніями и приходилъ въ полный ужасъ. Необходимо сейчасъ же отказаться, выяснитъ это недоразумѣніе, прекратить этотъ процессъ.

Но Монтэю спокойно и твердо заявилъ, что онъ процесса не броситъ. Между братьями разразилась сцена, которая грозила полнымъ разрывомъ. Монтэю заявилъ, что онъ разрываетъ съ «обществомъ», проситъ Оливера не считаться съ нимъ, а что касается Алисы, то пусть она сама заявитъ, съ кѣмъ она хочетъ быть.

Оливеръ принужденъ былъ съ этимъ уйти, но уже завтра онъ успокоился на томъ, что, въ концѣ-концовъ, онъ не отвѣтственъ за дѣла брата и, кромѣ того, въ «обществѣ» есть такъ много пружинъ: наряду съ тѣми, интересы которыхъ болѣе затронуты процессомъ, должны найтись и такіе, которые будутъ только довольны имъ — и, слѣдовательно, они станутъ на сторону Монтэю.

Первая выставка воздухоплавания въ Парижѣ.

На управляемомъ аэростатѣ
Бояра-Клемонъ.

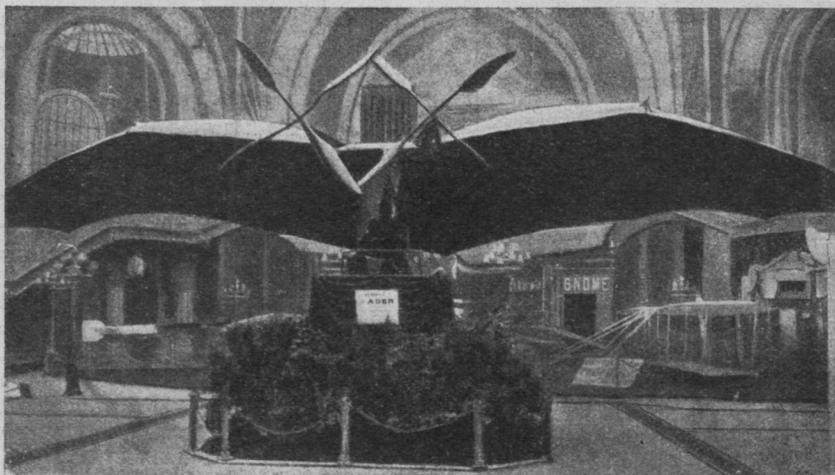
Снимокъ сдѣланъ съ борта дирижабля.

24-го декабря нов. ст. открылась въ Большомъ Дворцѣ, въ Парижѣ, первая выставка воздухоплавания.

Все, что есть новѣйшаго въ области авіаціи и аэростатики, представлено многочисленными экспонатами въ грандіозныхъ залахъ выставки.

Деагранжъ выставилъ свой бипланъ № 2, подъ тѣнью котораго устроенъ уютный чайный кіоскъ. Тутъ же красуется аэростатъ Райта, поражающій легкостью и изяществомъ своихъ очертаній.

Летательныя машины Фармана находятся на

Первый аэростатъ, изобрѣтенный и построенный французскимъ инженеромъ
Адеромъ въ 1893 г.

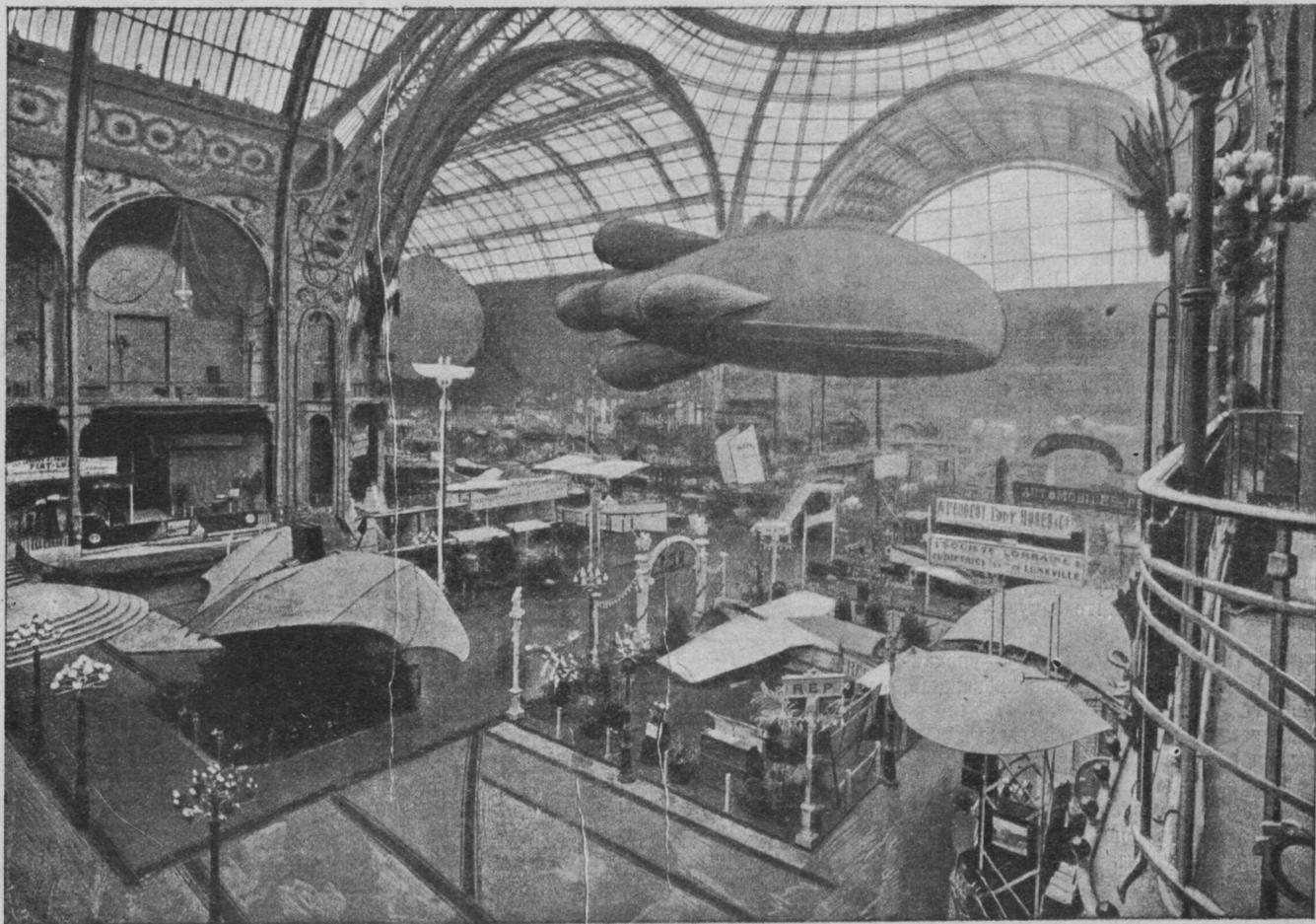
верху лѣстницы, ведущей въ залы выставки. Аппараты Блеріо установлены въ двухъ мѣстахъ. Самъ изобрѣтатель показываетъ ихъ и даетъ объясненія публикѣ. Гг. Бишофъ и Кеклинъ показывали свои аэростаты, отличающіеся наибольшей легкостью. Съ моторомъ и всѣми необходимыми принадлежностями они вѣсятъ по 350 килограммовъ каждый. Легкость, пока еще никѣмъ не достигнутая, но и не внушающая особаго довѣрія къ самому изобрѣтенію.

Въ одномъ изъ залъ выставки установленъ аэростатъ Бояра-Клемона, представляющій собою последнее слово въ области авіаціи. Онъ

построенъ по даннымъ инженера Татэна, извѣстнаго знатока воздухоплавания.

Кончики крыльевъ этого аппарата эластичны и загнуты кверху, на подобіе лыжъ, что даетъ ему возможность во время полета останавливаться и висѣть неподвижно въ воздухѣ. Этотъ аэростатъ будетъ подвергнутъ практическимъ испытаніямъ въ первый ясный день.

Наконецъ, общее вниманіе публики обращаетъ на себя аэростатъ французскаго инженера Адера, славный предокъ современныхъ летательныхъ машинъ, изобрѣтенный Адеромъ въ 1893 г. и впервые совершившій удачный полетъ.

Общій видъ выставки.

Королева Италіи Елена

за самоотверженныя свои дѣйствія при спасеніи погибающихъ награждена прусскимъ орденомъ королевы Луизы, австрійскимъ — императрицы Елисаветы и представлена къ французскому — почетнаго легіона.

Вице-адмиралъ З. П. Рожественскій.
† 1 января 1909 г.

Д-ръ Миловановичъ,
сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.
Къ 10-лѣтню управленію с.-петербургской митрополіей.

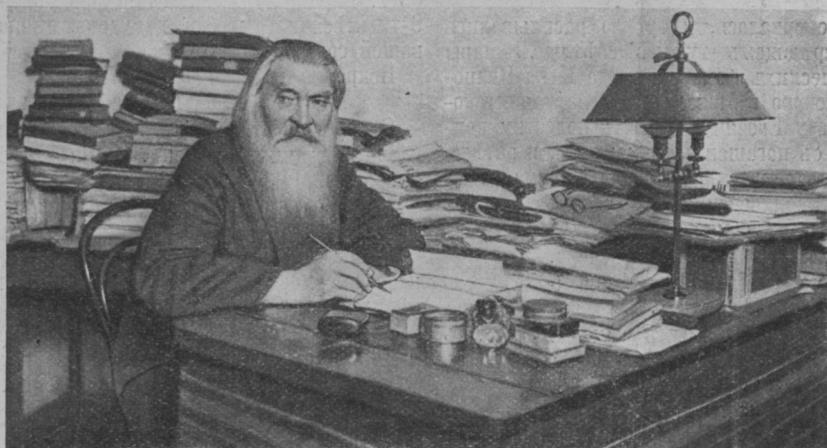
Со снимка фотографа журнала „Огожедь“ В. К. Булла.

Чешскій депутатъ Клофачъ,
пріѣзжающій на-дняхъ въ Петербургъ для совѣщаній по славянскому вопросу.

В. П. Ламбинъ,
извѣстный библиографъ, начальникъ русскаго отдѣла Импер. публ. библиотеки.
† 31 декабря 1908 г.

Извѣстный русскій историкъ И. Е. Забѣлинъ.
† 31 декабря 1908 г.

АНОНИМЪ.

Очеркъ Вилли.

I.

Илья Ивановичъ Опенкинъ, коллежскій регистраторъ и младшій кандидатъ при департаментѣ окладныхъ сборовъ, озабоченно вынулъ записную книжку и спросилъ:

— Сколько?

Дяконъ раскрылъ церковную книгу.

— Пока четыре. Но къ вечеру, поди, набѣжитъ еще. Вы понавѣдайтесь, Илья Ивановичъ!.. Время вѣдь того, самое брачное!..

— Ну, диктуйте,—буркнулъ Илья Ивановичъ и усѣлся записывать.

— Капитонъ Никодимовичъ Птицынъ, двадцати осьми лѣтъ, холостъ, мѣщанинъ,—диктовалъ дяконъ:—съ дѣвицей Вѣрой Афанасьевной Кузовой... 12 рублей со свѣчами, безъ пѣвчихъ...

— Адресъ, адресъ,—торопливо перебилъ его Опенкинъ и застрочилъ:—Мытнинская набережная, домъ мѣщанки Обросимовой... А невѣсты?... Плутова улица, номеръ двадцать четвертый...

Опенкинъ торопился.

Онъ наскоро расчитался съ дякономъ, не дождался сдачи съ рубля и, пробормотавъ:—все равно, въ счетъ сѣбѣдующихъ поидеть,—выскочилъ изъ церковной квартиры.

Предстояло еще обойти три прихода: Вознесенскій, Спасскій и Михаила Архангела.

Время, дѣйствительно, стояло горячее. На носу былъ Филипповъ постъ. И всѣмъ молодымъ населеніемъ столицы точно овладѣлъ какой-то брачный азартъ.

Вѣнчались взапуски, цѣлыми партіями, сплошными кварталами, участками.

И немудрено, что Илья Ивановичъ въ этотъ злополучный мѣсяцъ уже успѣлъ снести въ ломбардъ всю зимнюю одежду, новый вицмундиръ и взятую на выплату пишущую машинку.

Дяконы, хоть и спустили съ прежней цѣны въ виду такого наплыва вѣнчающихся, но и гривенникъ съ брачной пары при этихъ массовыхъ бракосочетаніяхъ почти цѣликомъ поглощали скромное жалованье Ильи Ивановича.

А вѣдь, дѣло-то не ограничивалось этими одними гривенниками.

II.

Уже смеркалось, и тускло расплывались въ вечернѣющемъ туманѣ свѣтлые шары электрическихъ фонарей, когда Илья Ивановичъ наскоро забѣжалъ къ департаментскому курьеру Евсеичу—купить полсотни конвертовъ съ погашенными марками, и затѣмъ такъ же стремительно и нервно помчался къ себѣ на Васильевскій.

Работы было много. А послѣдняя почта вынималась въ 11 часовъ вечера.

Комната у Ильи Ивановича была трехугольная, крошечная, на 5-мъ этажѣ съ полукруглымъ чердачнымъ окномъ. Снималъ онъ ее у нѣмки за семь съ половиной въ мѣсяцъ съ самоварами.

Илья Ивановичъ перемѣнилъ сапоги на домашнія войлочные туфли, снялъ форменный сюртукъ, заварилъ чай, развелъ въ тарелкѣ керосинъ съ горячей водой и опустилъ въ эту смѣсь приобретенные у Евсеича кочверты.

Илья Ивановичъ специально для ночныхъ занятій пилъ чай крѣпкій и настаивалъ его долго.

Въ ожиданіи чая онъ смотрѣлъ на разбухающіе въ горячей водѣ конверты. Марки замѣтно отставали и штемпельная краска блѣднѣла, и расплывалась отъ дѣйствія керосина.

— Патентованное средство!—усмѣхнулся про себя Илья Ивановичъ и налилъ себѣ стаканъ крѣпкаго чаю.

III.

Лампа съ зеленымъ абажуромъ мѣлко освѣщала гладкіе, блестящіе листки почтовой бумаги и густо исписанныя странички записной книжки.

За стѣной было тихо. Капитанъ спалъ.

Илья Ивановичъ, склонивъ голову на бокъ, четкимъ бисеромъ унизывалъ стопки почтовой бумаги.

«Милостивый государь, Федоръ Тимофеевичъ!—бѣглымъ привычнымъ росчеркомъ строчилъ Опенкинъ.

«Узнавъ о нашемъ рѣшительномъ намѣреніи вступить въ законный бракъ съ именующею себя дѣвицею Агніей Александровной Пузыревой, 19-ти лѣтъ, считаю нравственнымъ долгомъ предостеречь васъ отъ сего неосторожнаго и губительнаго для васъ обоихъ шага. Я буду вполне откровененъ, расчитывая на вашу скромность.

Дѣло въ томъ, что я уже 2-й годъ нахожусь въ незаконномъ сожителствѣ съ Агніей Александровной и не хочу допустить, чтобы изъ-за меня вы были вовлечены въ такой семейный позоръ.

Искренно вамъ преданный вашъ

Доброжелатель».

Илья Ивановичъ красивымъ выкрутасомъ закончилъ свой псевдонимъ, глотнулъ изъ стакана чай, порылся въ записной книжкѣ и принялся за новое письмо.

«Милостивая государыня, Елена Николаевна,—писалъ онъ.

«Узнавъ о нашемъ неосторожномъ намѣреніи связать свою судьбу съ Сергѣемъ Михайловичемъ Варакинымъ, 31 года, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь васъ отъ сего губительнаго шага.

Вы погубите не только себя, но и мою несчастную сестру, уже 2-й годъ живущую съ г. Варакинымъ, плодъ чего, въ видѣ 9-ти мѣсячнаго ребенка будетъ вѣчно на вашей совѣсти.

Искренно вамъ преданный вашъ

Доброжелатель».

Сегодня работы было много, и Илья Ивановичъ ограничивался короткими дѣловыми письмами.

Въ другое время, когда вѣнчающихся было меньше, онъ разнообразилъ упражненія.

Онъ живѣе переживалъ каждое отдѣльное письмо; онъ фантазировалъ наяву и вѣрилъ въ то, что онъ писалъ.

Его личныя драмы и драмы его воображаемой сестры были разнообразнѣе и ярче.

Иногда онъ—другъ дѣтства невѣсты. Погубившій ее!.. Да!.. Таковъ фактъ, и онъ предостерегаетъ «уважаемаго Петра Игнатьевича» отъ губительнаго шага...

«Губительный шагъ»—это единственно постоянное выраженіе во всѣхъ письмахъ, потому что оно кажется особенно трагиче-

скимъ и чувствительнымъ Ильѣ Ивановичу.

Въ остальномъ онъ разнообразенъ. Его фантазія неистощима, но укладывается всегда въ такія протокольныя, циркулярныя слова, какъ «нетрезвое состояніе», «скверная болѣзнь», «законный бракъ».

Но... вѣдь онъ не стилистъ. Главное—его держаніе. Въ немъ вся суть.

И онъ переживаетъ глубокія, разнообразныя драмы.

Иногда онъ мучимъ дикой ревностью. Онъ грозитъ смертью жениху, если тотъ обвѣнчается съ «горячо любимой и отнюдь не забытой мною Маріей Адамовной».

Но такъ пишетъ онъ по-преимуществу женихамъ, старше 40 лѣтъ.

Молодыхъ онъ пугаетъ больше «своимъ сожителствомъ» съ невѣстой, а изрѣдка и «скверной болѣзью».

Псевдонимъ его «доброжелатель» постоянно одинъ. Онъ подписывается имъ уже 3-й годъ и до того привыкъ къ нему, что вздрагиваетъ, какъ будто его назвали по имени, когда кто-нибудь произноситъ это слово.

Илья Ивановичъ закончилъ послѣднее письмо, посмотрѣлъ на часы: было половина одиннадцатаго.

Нужно поторопиться.

Мягкимъ свѣжимъ хлѣбомъ легко стираются остатки почтового штемпеля на пропитанныхъ керосиномъ маркахъ.

Марки, какъ новыя.

Быстро мелькаютъ адреса на конвертахъ:

— Его высокоблагородію... Мирону Васильевичу... Ея высокоблагородію Анисѣй Спиридоновнѣ... въ собственныя руки...

Марки приклеены... Уже безъ четверти одиннадцать, и Илья Ивановичъ мчитъ съ лѣстницы, чтобы не пропустить очередной почты.

IV.

А въ воскресенье, послѣ обѣдни, Илья Ивановичъ мрачно стоитъ въ углу у праваго притвора Вознесенской церкви и глядитъ на смѣняющіяся у аналоя брачныя пары.

Ихъ много... скоро Филипповка... торопятся...

Илья Ивановичъ грустно считаетъ по списку.

— Капитонъ Птицынъ, 28 лѣтъ, съ дѣвицей Вѣрой Кузовой, 19-ти... 12 рублей со свѣчами безъ пѣвчихъ...

— Не послушалъ!.. Женится такъ!..—грустно шепчетъ Илья Ивановичъ... и ему становится такъ жалко... утерянной сожительницы... обманутаго жениха... своей сестры... и... десяти копеекъ, уплаченныхъ дякону за адреса жениха и невѣсты...

Вилли.

Гильотина помилованія.

Разсказъ Г. Гольштеттеръ.

Дѣйствующія лица: Владѣлецъ бюро новѣйшихъ изобрѣтеній. Клиентъ.

Мѣсто дѣйствія: Бюро новѣйшихъ изобрѣтеній.

Время дѣйствія: 5 часовъ, 15 минутъ пополудни.

Владѣлецъ бюро новѣйшихъ изобрѣтеній одинъ въ своей конторѣ. Онъ занятъ составленіемъ очень сложнаго прошенія о выдачѣ диплома какому-то изобрѣтателю. Повидимому, работа эта не изъ легкихъ, такъ какъ онъ то и дѣло вздыхаетъ, стонетъ и утираетъ со лба крупныя капли пота.

Кто-то сильно и нетерпеливо звонит у входа.

Владѣлецъ бюро (взглядывая на стѣнные часы): Двадцать минут шестого! (Съ начала сены прошло уже пять минут). Проклятый обѣдненный часъ! Никогда ни души нѣтъ въ конторѣ. Некому даже дверей открыть. Приходится или на это время прекращать занятія или самому исполнять обязанности швейцара. (Съ гнѣвомъ встаетъ изъ-за письменнаго стола и идетъ въ переднюю. Видно, какъ онъ отпираетъ входную дверь).

Клиентъ (въ дверяхъ): Могу я видѣть господина владѣльца бюро новѣйшихъ изобрѣтений?

Влад. бюро: Это я самый и есть, къ вашимъ услугамъ. Прошу входить.

Клиентъ (входя въ прихожую. Подъ мышкой у него большой черный пакетъ). Я желалъ бы поговорить съ вами относительно моего изобрѣтения. Но, можетъ быть, я пришелъ слишкомъ поздно? Въ такомъ случаѣ я могу...

Влад. бюро: Нисколько, нисколько. Правда, я одинъ въ конторѣ, но это даже лучше. Намъ никто не помѣшаетъ?

Клиентъ. Но, можетъ быть, сейчасъ вы заняты?

Влад. бюро: Я всегда занятъ, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ также всегда быть къ услугамъ моихъ клиентовъ. Прошу садиться. (Садится самъ).

Клиентъ. (вынимая изъ свертка неуклюжую желѣзную раму съ отверстиемъ въ серединѣ и ставя ее на письменный столъ передъ хозяиномъ конторы): Вотъ мое изобрѣтение. (Садится также).

Влад. бюро: Странная вещь! Что-жъ такое она изъ себя изображаетъ?

Клиентъ: О, прощу васъ самого испробовать! Это нѣчто замѣчательное! Главное, удобно то, что при этомъ вы можете спокойно продолжать сидѣть. Согните слегка просунуте голову въ отверстие.

Влад. бюро (поступаетъ, какъ ему было указано): Ну, а дальше?

Клиентъ: Дальше оставайтесь совершенно спокойны и, по возможности, избѣгайте всякаго движенія. Иначе эта вещь отсѣчетъ вамъ голову.

Влад. бюро: Да вы, должно быть, съ ума сошли?

Клиентъ: Нисколько. Повторяю вамъ совѣтъ серьезно: не шевелитесь, а то вамъ придется проститься съ головой. Вотъ, пожалуйста, взгляните на этотъ чертежъ. Мое изобрѣтение есть ни что иное, какъ автоматическая гильотина. На этомъ рисункѣ вы можете видѣть весь механизмъ. Въ ту минуту, какъ вы вынимаете голову изъ отверстия, вы невольно задѣваете за рукоятку, придѣланную тутъ, слѣва. Рукоятка опускается, а, вмѣстѣ съ нею, опускается и ножъ, который отсѣкаетъ вамъ голову. Неправда-ли, какъ это просто?

Влад. бюро. Чрезвычайно просто. Но, чертъ возьми, долго-ли мнѣ еще придется сидѣть въ такомъ пріятномъ ошейникѣ? Освободите меня...

Клиентъ: Сю секунду. Позвольте только дать вамъ маленькое объясненіе...

Влад. бюро: Потомъ, потомъ. Сперва освободите меня...

Клиентъ: Подождите, прощу васъ. И, ради Бога, не волнуйтесь и не шевелитесь. Я не могу освободить васъ раньше, чѣмъ все не объясню вамъ.

Влад. бюро (нетерпеливо): Такъ говорите скорѣе.

Клиентъ: Мое изобрѣтение называется «гильотиной помилованія».

Влад. бюро: Какая бессмыслица!

Клиентъ: Вы очень ошибаетесь, это совсѣмъ не такъ глупо, какъ вы думаете. Какъ вы сами, конечно, понимаете, судьи,

назначая преступнику смертную казнь, все не желаютъ его мученія, а лишь считаютъ своимъ долгомъ изъять изъ общества вреднаго члена его. Не такъ-ли? Примѣнія мое изобрѣтение, можно затѣмъ увѣрить преступника, что онъ помилованъ, но что указъ о его помилованіи придетъ, вѣроятно, въ самую послѣднюю минуту. Такимъ образомъ, онъ будетъ избавленъ отъ страха и связанныхъ съ нимъ мученій. Не правда-ли, это, вѣдь, доброе дѣло?

Влад. бюро: Возможно. Ну, а дальше?

Клиентъ: Дальше, несчастливаго ведутъ на казнь, но все еще поддерживаютъ въ немъ надежду на помилованіе. Ему говорятъ, что онъ спокойно можетъ продѣть голову въ отверстие,—палачъ дожидается указа о помилованіи. Въ ту минуту, какъ онъ просунулъ голову, является горацъ съ радостной улыбкой вытаскиваетъ шею изъ отверстия, но—крак! — тутъ-то онъ и пойманъ! Движеніе это приводитъ въ ходъ автоматъ, и кара надъ нимъ совершается!

Влад. бюро: Это, дѣйствительно, замѣчательное изобрѣтение! Я охотно принимаю на себя всѣ хлопоты по вашему дѣлу. Вы, несомнѣнно, получите патентъ. Мало того, я согласенъ дать вамъ авансъ подъ вашу машину. Только, ради Бога, освободите меня отъ нея.

Клиентъ (смущенно): Ахъ, видите ли, вотъ здѣсь какъ разъ и вышла у меня маленькая заминка. Я никакъ не могъ выдумать такого способа, по которому можно было бы вытѣзть изъ моей гильотины съ цѣлой головой. Но, мнѣ кажется, это нисколько не можетъ помѣшать ея успѣху, вѣдь ея назначеніе заключается въ томъ, чтобы рѣзать головы. Не правда ли?

Влад. бюро: Вы шутите со мною, милостивый государь?

Клиентъ: Помилуйте, какія тутъ шутки! Я говорю сущую правду. Да вы сами убѣдитесь въ этомъ, какъ скоро вы подробнѣе осмотрите чертежъ.

Влад. бюро: Вы съ ума сошли! Что же вы со мною дѣлаете? Караулъ! Караулъ!

Клиентъ: Перестаньте кричать! У меня прекрасный слухъ, а кромѣ насъ съ вами во всемъ домѣ нѣтъ ни души. Сейчасъ обѣдненный часъ, всѣ магазины и конторы закрыты, такъ какъ владѣльцы ихъ не настолько жадны, чтобы работать въ часы отдыха. Впрочемъ, васъ то я вполне понимаю. Вамъ необходимо одиночество, чтобы подвести итогъ своимъ барышамъ, запретить ихъ...

Влад. бюро: Довольно глупостей! Что вамъ за дѣло до моихъ барышей?

Клиентъ: Я весьма интересуюсь вашими денежными дѣлами. Вотъ вы говорили объ авансѣ. Сейчасъ мы посмотримъ, что бы вы могли мнѣ дать? Въ которомъ изъ кармановъ у васъ ключи отъ денежнаго шкафа? Только, Бога ради, не двигайтесь. Не то рукоятка упадетъ, а это было бы весьма нежелательно...

Влад. бюро: Теперь я вижу, что вы просто-на-просто мошенникъ!

Клиентъ: Еще въ древней Греціи осужденные имѣли обычай бранить своихъ судей... А, да касса не заперта!.. Итакъ, я беру все золото и банковые билеты съ вашего разрѣшенія... Серебро и мѣдныя монеты я бы вамъ охотно оставилъ, если бы ихъ было много, но такъ какъ ихъ тутъ сущая бездѣлица, то онѣ не затрудняютъ меня. Посмотримъ теперь, есть ли у васъ что-нибудь достойное моего вниманія въ кошелькѣ и въ бумажникѣ... Но сидите, пожалуйста, спокойно, пока я осматриваю ваши карманы, иначе я не отвѣчаю за вашу голову... Какое у васъ маленькое портмоне... Навѣрное, вы получили его въ подарокъ... Но отъ кого, хотѣлъ бы я знать?.. А! Вотъ и чеко-

вая книжка!.. Отлично!.. Деньги у васъ въ сосѣдней банкирской конторѣ... Это очень удобно... Ну, а теперь поищемъ расчетную банковскую книжку, чтобы взглянуть, какъ велики вашъ текущій счетъ... Вотъ и она!.. Очень кругленькая сумма!.. Хорошо, хорошо!.. Какъ разъ на эту сумму я и выпишу себѣ чекъ...

Влад. бюро: Обманщикъ! Воръ! Негодяй!

Клиентъ: Ради Бога, не волнуйтесь. Ваше волненіе можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія... Такъ, теперь попрошу васъ подписать этотъ чекъ.

Влад. бюро: По крайней мѣрѣ за это вы освободите меня?

Клиентъ: Къ сожалѣнію, не сейчасъ. Но я обещаю вамъ, что черезъ 15-20 минутъ вы будете свободны. Только сперва надо подписать эту бумажку.

Влад. бюро: Давайте ее сюда, мерзавецъ! (Подписываетъ).

Клиентъ: Большое вамъ спасибо. Теперь скорѣе въ банкирскую контору.

(Смотритъ на стѣнные часы). Тридцать пять минут шестого. Контора открыта до шести. Какъ разъ успѣю. Затѣмъ на автомобиль на вокзалъ и съ поѣздомъ въ шесть часовъ десять минутъ прочь изъ города. Все обстоитъ прекрасно! До свиданія, милостивый государь! Честь имѣю кланяться!

Влад. бюро: Но вы обѣщали освободить меня...

Клиентъ: Ровно черезъ четверть часа! Видите-ли, моя гильотина устроена такъ, что механизмъ дѣйствуетъ ровно полчаса. Въ 5 часовъ 22 минуты вы имѣли любезность просунуть голову въ отверстие. Въ 5 часовъ 52 минуты всякая опасность для васъ минетъ. Такъ что вамъ осталось потерпѣть всего еще только 16 минутъ. А теперь еще разъ прощайте, милостивый государь. Къ сожалѣнію, я долженъ лишиться себя удовольствія продолжать наше свиданіе. (Выходитъ).

Влад. бюро: (смотря на часы). 5 час. 40 минутъ... Теперь этотъ негодяй навѣрное уже въ банкирской конторѣ и сейчасъ заберетъ оттуда всѣ мои трудовыя деньги... Ахъ, если бы я только могъ дотянуться до телефона, все было бы спасено... (Кричитъ и зоветъ на помощь)... Никого!.. Все погубило!.. Почему я не послушался жену? Она всегда противилась тому, чтобы я одинъ оставался въ бюро.. Вотъ было бы счастье, если бы она вдругъ сейчасъ явилась сюда... Но что я говорю?.. Какъ бы она вошла сюда... Негодяй захлопнулъ за собою дверь, а я не могу пошевелиться, чтобы впустить ее... Пять часовъ 45 минутъ... Теперь мошенникъ уже мчитъ на вокзалъ, а съ нимъ вмѣстѣ и мои деньги (Плачетъ)... 5 часовъ 49 минутъ... Нѣтъ, долше терпѣть я не могу... Пусть лучше скатится съ плечъ моя голова, чѣмъ еще дѣлать три минуты выносить эти муки... (Смотритъ на чертежъ)... Повидимому, выбраться отсюда дѣлать нѣтъ никакой возможности, но пусть лучше смерть постигнетъ меня сразу... все равно, я не вынесу дальше. Ну, скорѣе же.. Разъ, два—три! (Вынимаетъ голову изъ отверстия). Что же это такое?.. Моя голова дѣла? Рукоятка даже не сдвинулась съ мѣста? Значитъ, это простая рама, а все остальное было обманомъ со стороны этого мошенника? Скорѣе позвонить по телефону въ полицію... Пожалуйста, № 3027... нѣтъ, нѣтъ, не 1327, а 3027!.. да нѣтъ же не 3025, а 3027!.. Кто говоритъ?.. Похоронное бюро Роллера?.. Это ошибка!.. Дайте отбой! Мнѣ нуженъ полицейскій участокъ! Необходимо скорѣе изловить преступника!..

Впрочемъ, о чемъ я хлопочу, прежде чѣмъ я добьюсь того, чтобы меня соединили съ полиціей, негодяй успѣетъ уже добраться до Австраліи.

І. К. Братьяно,
новый румынский министр-президентъ.

Персидскій принцъ Шафи-ханъ,
ген.-м. русской службы, застрѣлившійся 2-го января
с. г. въ гостиницѣ Грандъ-Отель въ СПб.

Генераль Живковичъ,
новый сербскій военный министръ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ДЕЛЕГАЦІЯ У ГР. ТОЛСТОГО.

Делегаты среди крестьянскихъ дѣтей Ясной Поляны, въ общеніи съ которыми
Л. Н. Толстой черпаетъ матеріалы для своего «Круга чтенія».

Делегаты:
Н. Шубаковъ, Н. Ленскій, Д. В. Кузьминъ-
Караванъ, І. Войтинскій и К. Осиповъ въ
Ясной Полянѣ.

Елка для безпріютныхъ дѣтей у спб. градоначальника ген.-м. Драчевскаго, 30-го декабря 1908 г.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» В. К. Булгакова.

ТЕПЛЫЕ ВАРЕЗЫ, МИЛЕТЫ, РЕАТУЗЫ;
ДАМСК. И ДЪТСК. ТРИКО, КОМБИНА-
ЦИИ, ГАМАШИ, НАКОЛБНИКИ И ПРОЧ.
Ю. Готлибъ. Владимирскій, 2,
уголъ Невского.

МАШИНКИ
для стрижки головы, боро-
ды, лошадей, овецъ и собакъ
исключительно лучшихъ качествъ.
ЛЕОНАРДИ
Пассажъ 53.

ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ВОЛОСЪ
ВЫПАДЕНІЕ о о о
И УСИЛИВАЕТЪ ИХЪ РОЩЕНІЕ
ТОЛЬКО
КЕЛЕРСКАЯ

КВИНТЬ-ЭССЕНЦІЯ
„ПЕТРОЛЯ“

ПРОДАЖА ВЪ ЛУЧШИХЪ ПАРФЮМЕРНЫХЪ
И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗ. ПОСЕМЬНО.

несите свои **граммофоны**

въ починку
ТОЛЬКО ВЪ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО
„Меркуръ“, С.Пб., Грлицъ, 38. Тел. № 2566-00
Долголетн. практ. механикъ, спец.
проверка аппарат. Новые граммоф., из-
готовляетъ самой наилучш. русск. тех-
ники по сам. деш. фабр. цѣн. Пластин-
ки разн. фабрикъ отъ 50 к. и дор., старыя
приним. въ обменъ на новыя, допус-
каетъ разср. платѣжа.

Известна-ли вамъ
парфюмерія высшаго качества
ИДЕАЛЬ?

Товарищества „ГИГИЕНА“
въ С.-Петербургѣ,
Лингоская, 128.
Духи, мыло, пудра, туалет-
ная вода.

Торговый Домъ АРТЮРЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., 23.
ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ БЪЛЬЯ.
Получилъ послѣднія новости Особый отдѣлъ
ПАРИЖА и ЛОНДОНА. ДАМСКАГО ПРИДАНАГО.
Спеціальность мужскаго бѣлья и всевозм. принадлежностей.
Подробный иллюстр. Прейсъ-Курантъ на 1909 годъ
высылается бесплатно по востребованію.

Сенсаціонная новості! **КАЖДОЙ ЖЕНЩИНѢ** необходимо
Умываніе для лица **«МАРИ»** знать что
средство давно испытанное, но не бывш. еще въ про-
дажѣ. Умываніе это даетъ лицу нѣжность, эластич-
ность, цвѣтушій и свѣжій видъ: уничтожаетъ крас-
ноту, загаръ, веснушки, пятна, прыщи, угри, драб-
лостъ и вялость кожи. Имѣются отзывы и благо-
дарности разнѣхъ С.Пб. Врач. Упр., какъ несодер-
жащее вредн. веществъ. Брошюры высыл. бесплатно.
Цѣна фл. 8 р. 2 ф. 5 р. 50 к. 3 ф. 7 р. 50 к. (безъ перес.).
Иногор. выс. нал. плат. по подуч. 1 р. задат. (мож. марк.).
ПРОВБНЫЕ ФЛАКОНЫ (1/2 часть) по 50 к. (безъ перес.).
С.Пб. Невскій 53 кв. 15. М-жъ Мари. Телеф. 104—95, отъ 12 до 5 ч. веч.

**КАКАО
ЭЙНЕМЪ**
САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.

Т/д. Ю. и О. КУРОВСКІЕ и К°.

БРОНЗОВЫЯ ВАЗЫ,
ФИГУРЫ
ИМ. САКСОНСКАЯ.
ЯПОНСКІЕ теплые
ДАМСКІЕ ХАЛАТИКИ и КУРТЧОКИ
английскаго фасона.
ВИНОУХЪ Роскошн. КУКЛЫ.
МАРМОРНЫЯ ТЕРРАКОТОВЫЯ
и блесквѣтѣ фигуры.
ДАМСКІЕ кушани,
пряжки, перчатки, духи, сулочки,
КОШЕЛЬКИ.
Отдѣлъ Худож. и Спортъ,
ЛИТЕЙНЫЙ, 11.

Глав. магаз. С.Пб., Морская, 22.
Отдѣленіе хозяйственныхъ принадлеж. С.Пб., Казанская, 34.

**САМЫЙ
ДЕШЕВЫЙ ИСТОЧНИКЪ**

для покупки новыхъ и малодержанныхъ паровыхъ машинъ, котловъ, локо-
мобилей, нефтяныхъ газогенераторныхъ и пр. двигателей, автомобилей гру-
зовиковъ, станковъ, общетехническихъ и электрическихъ принадлежно-
стей. Установка машинъ элект. станцій и пр. С.-Петербургъ, Невскій пр., 132.
Тел. 99—98. Техническая контора **Ф. ДЕСЛЕРЪ и КРОССЪ.**

БОРЖОМЪ
Превосходная
ЛѢЧЕБНАЯ и
СТОЛОВАЯ ВОДА.

„Забава и наука“
С.Пб. Караванная ул., № 2.
Игрушки и игры, учебн. пособія,
сладчай базаръ, орденъ и др.
Котильонъ. 11

Crème Siva.

Веснушки въ короткій срокъ
удаляетъ
CRÈME SIVA.
Если Вы уже безуспѣшно при-
мѣняли другія средства—попро-
буйте послѣдній разъ „Crème
Siva“, имѣющей много медалей и
отзывовъ.
Единств. депо для Россіи
— **Г. ПОММЪ,** —
С.Пб., Каменноостровскій пр., 8.
Высылается налож. платежомъ за
1 руб. 50 коп. перес. за счетъ
заказчика.

Проф. ПЕНБЕРЪ.

**ПОДАГРЫ
РЕВМАТИЗМА
РАДИКАЛЬНОЕ ЛЕЧЕНІЕ**
новымъ единственнымъ расти-
тельнымъ средствомъ прекрасно
дѣйствующимъ представляемъ
проф. Пенберъ французской ака-
деміи наукъ. Цѣна 1 флак. 3 руб.
Единственный складъ для Россіи
Русское Сѣверное Т-во.
С.-Петербургъ, 51 Б.

„КОТЬ-ДОРЪ“ игри-
стый!
ВЫДЕРЖАННЫЯ ВІНА
ЦѢЛЕБН. ВІНОГР.
— СОКЪ —
садовъ Г. И. Кристи.
С.Пб., Надеждинская, 1.
Спл. «Бессарабія». Тел. 91—53

ЭЛЕКТРОЛИТНАЯ ВОДА
— содержащая озонъ и кислородъ —
излѣчиваетъ и предупреждаетъ
— многія болѣзни. —
Необходимо въ каждомъ домѣ.
Настоящая „Кобякъ“ продается у
В. Дюнантъ С.Пб., Невскій 53, во
дворѣ кв. № 12. ● Цѣна 80 к. бут.

ЮВЕЛИРЪ ЯНЪ РЕЙМАНЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., 81, (подъ Думою). Телеф. 58—36.
Основано въ 1840 г. изъ богемскихъ, уральскихъ, сибирскихъ
МОДНЫЯ ДРАГОЦѢННОСТИ и др. настоян. камней. ● Часы. ●

1-го Марта 1909 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ
ВТОРОГО ВНУТРЕННЯГО СЪ ВЫИГРЫШАМИ ЗАЙМА
Главный выигрышъ

200,000 Р.

въ Банкирскомъ Домъ ЗАХАРІЙ ЖДАНОВЪ

С.-Петербургъ, Невскій просп., д. Филиппова.

МОЖНО КУПИТЬ ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТЪ

СЪ ЗАДАТКОМЪ

25 РУБ.

Оставшіяся же долгъ можно погашать мелкими взносами отъ 5 руб. въ мѣсяцъ. Съ момента внесенія задатка покупатель становится собственникомъ билета и выигрыша, могущаго пасть на билетъ. При продажѣ билетовъ выигрышныхъ займовъ Банкирскій Домъ впервые ввелъ КОЛОССАЛЬНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО для своихъ клиентовъ:

если на купленный билетъ падеть (въ первый послѣ покупки тиражъ) выигрышъ, то уплату Государственного налога 5% съ суммы выигрыша (согласно правиламъ Государствен. Банка) Банкирскій Домъ принимаетъ на себя.

Въ виду того, что при продажѣ билетовъ выигрышныхъ займовъ съ задаткомъ и частичнымъ погашеніемъ проценты взимаются только съ суммы оставшагося долга, въ интересахъ Гг. клиентовъ рекомендуется, если они могутъ вносить задатки больше минимальныхъ; тогда само собою билеты обойдутся дешевле.

„Лучше других! — и дороже!“ — да, а

попробуйте раз

ТРИКОТАЖ

„Шведо-Вяз--“

НА ЗАКАЗ

как раз — для Вас!

1) Офицерская, 6, 2) Б. Гребенская, 3

ФАБРИКА ИСКУСТВЕННЫХЪ ЖЕРНОВОВЪ

В. Ю. ФОНДЕНФЕРДЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Контора: Свѣчной пер. № 3.

ИСКУСТВЕННЫЕ
ЖЕРНОВА
ПРЕВОСХОДНАГО
КАЧЕСТВА.

ИСКУСТВЕННАЯ
МАССА ДЛЯ
НАРАЩИВАНИЯ
ЖЕРНОВОВЪ.

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙС-КУРАНТЫ.

Поразительный

Быстрочетъ.

Умноженіе многознач. числа, не треб. начертанія рядовъ цифръ, кромѣ въ слѣд. примѣрѣ:

96731244 X 826123 =

79911905487012.

Проверка моментально.

Съ самоучителемъ, всѣхъ дѣйств. прост. и десятич. дробями, вычис. квадрат. площа. и объемовъ тѣлъ, извлеч. корней и пр., съ таблиц. прост. и слож. процент. и др. полез. свѣдѣній. Цѣна 80 к. или съ перес. 1 р., нолж. плат. 10 к. дороже. Р. Г. Эйхаль, Сред. Подъячская 6, С.-Петербургъ.

ЗА ПИЩУЩІЯ

МАШИНЫ „МИНЬОНЪ“.

Цѣна 80 руб.

Т-во ПОЛИТЕХНИКЪ

Троицкая ул., 13.

Проекты бесплатно.

ВСѢМЪ и
ВСЮДУ

(даже въ деревнѣ) доступно теперь устройство домашняго электрическаго освѣщенія. Популярное общепонятное практическое указаніе къ собственноручному устройству у себя на дому электрическаго освѣщенія безъ машинъ и станцій, простыми, несложными домашними средствами. Обходится почти не дороже керосина. Новизобр. система американскаго инженера

МАКДОНАЛЬДА.

Цѣна съ перес. 65 коп. (можно сберег. марк.), высылатъ заказнымъ. Адресъ: СПб., Гороховая, 39, конт. О. Гусевой. Наложнымъ платеж. не высылаются.

ВЯЗАН. ПИДЖАКИ

изъ верблюжьей шерсти необычн. теплы, не стѣсняютъ движенія.

Дамск. фигаро

вязан. теплы и легки, новѣйшихъ фасоновъ.

Рекоменд. спец. складъ

Д. ДАЛЬБЕРГЪ,

СПБ., Гороховая, 16.

Т-во АРАЛЛЕИКО

ПОСЛѢДНЯЯ
НОВОСТЬ

EXTRAIT
ROSE-
BELLE des JARDINS

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
фабрики вѣнской мебели

Якова и Юсифа КОМЪ.

Образцовыя комнаты
всѣхъ стилей.

Гнущая мебель всѣхъ
рисунковъ.

Главное депо въ СПБ.,
Невскій просп., 64.

Фабр. марка.

ЗНАМЕНИТОЕ БѢЛЫЕ
ВѢНСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ

съ полотнян. прокладками, самое изящн., практич. и дешев., ничѣмъ не отличает. отъ наилучш. полотнян. бѣлья. Для военныхъ, путешествующ. и холостяковъ оно положительно необходимо. Отсутствіе всѣхъ неприятностей, сопряжен. со стиркой и глаженіемъ. Въ употребл. во всѣхъ культурахъ, странахъ міра. При ежедневн. носкѣ выдерживаетъ 2 года. Прейсъ-кур. бесплатно.

Треб. только съ
кд. „Словъ“
всѣхъ др. н. вын.

К. К. МАРКВАРТЪ,

СПБ., ФОНТАНКА, 85, кв. 72 (близъ Гороховой), телефонъ № 98—86.

КИПЯТИЛЬНИКИ
„СИМПЛЕКСЪ“

новѣйшаго усовершенствованія патентованные благодаря своей ОСОБОЙ КОНСТРУКЦИИ кипятить воду въ большомъ количествѣ въ самое короткое время при экономіи въ топливѣ въ 80%. Могутъ безъ всякаго приспособленія КИПЯТИТЬ ВОДУ ВЪ ЛЮБОЙ ПОСУДѢ—ВЕДРАХЪ, ЧАНАХЪ, ВОЧКАХЪ, ВАННАХЪ и т. п. Примѣнны для установокъ въ ЧАЙНЫХЪ, СТОЛОВЫХЪ, ВОЛЬНИЦАХЪ ВЪ ДОМАХЪ (для ваннъ) и приспособленные на рессорныхъ тележкахъ для развоза.

По цѣнѣ значительно дешевле существующихъ, не воплихъ соответствующихъ цѣли. Особенно важно въ настоящее эпидемическ. время. Цѣна отъ 30 до 100 р., выѣзистость отъ 4 до 30 вед. Имѣются на складѣ и демонстрируются въ Технической конторѣ

Ф. ДЕСЛЕРЪ и КРОССЪ.

Невскій, 135. Тел. 99—98.

РАДУЙТЕСЬ!
МОЗОЛЕЙ НѢТЬ!!!
Уничтожаются быстро съ корнемъ П-ра МАКАРЕВИЧА
ФЕРРОЛЕМЪ ц. 35 к. Продажа вездѣ. Главн. складъ П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, № 2. Почт. выск на 1 р. пересыл. налог. плат.

СПБ., Фонтанка, 60, Аптеч. аптеч. складъ. Тел. 282—37.

ПЕРЕВОРОТЪ!

Бархатная игла «Маркони» для граммофона даетъ пріятн. бархатн. и одновременно сильный звук. Одна игла для 10 пластинокъ и, благо особ. композ., совершенно не портитъ пластинокъ. Кажд. пакетъ снабж. портр. «Маркони» и пломб. Т-ва. По перв. требов. образцовъ бесплатно. Цѣна пакета (100 шт.) одинъ рубль. Главн. складъ С.-Петербургъ, Читинскій пр. № 58. Утвержд. въ Россіи Товарищество «Фонограмма».

ЦВѢТОЧНЫЙ
Оде Колонъ
ВЕРА-ВІОЛЕТТА

„ГИГИЕНА“
С. ПЕТЕРБУРГЪ

Оптовая продажа у Товарищества «С.-Петербургская ТЕХНО-Химическая Лабораторія».